

ГЛАВА III.

Отправление и распределение сестер милосердія и „Краснаго Креста“.

Война уже объявлена... Войска въ движеніи чрезъ Румынію къ Дунаю въ Турецкіе предѣлы... Русскій народъ напряженно слѣдитъ за движеніемъ своихъ ратей и сочувственно стремится подать ему руку помощи всѣми зависящими отъ него средствами. Русская женщина усиленно продолжаетъ готовиться и жадно прислушивается къ слову и призыву Высочайшей покровительницы Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Не пора-ли двинуться на помощь борцамъ родной земли, не время-ли и ей свершить теченіе своего подвига? Нельзя не вспомнить тѣхъ одушевленныхъ лицъ, которыя ежедневно являлись съ вопросами: не пришли-ли извѣстія о томъ, чтобы имъ отправиться на службу, и скоро-ли имъ придется приложить пріобрѣтенныя познанія къ дѣлу?... Но пушекъ громъ еще не раздавался и стремленіямъ русской женщины на войну не удавалось найти исхода... Лишь нѣкоторымъ общинамъ сестеръ милосердія, какъ-то: Крестовоздвиженской, Георгіевской и Покровской пришлось прежде другихъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Когда же открылись сраженія, число раненыхъ начало увеличиваться, явилось болѣе больныхъ, госпитали заняли мѣста, было сказано слово, котораго столь жаждала русская женщина. Государыня Императрица въ своемъ рескриптѣ выразила свой призывъ и свою надежду, что «горячее чувство не ослабѣетъ и жертва любви бу-

детъ принесена». И немедленно-же началось отправленіе группъ сестеръ «Краснаго Креста», главнымъ образомъ изъ Петербурга, гдѣ онѣ готовились и формировались. Эти группы большей частью состояли изъ 16 сестеръ младшихъ и одной старшей. Въ Іюнѣ и Іюлѣ 1877 года отправлено 7 такихъ группъ въ Румынію и на Кавказъ. За ними потомъ повременно послѣдовали другія, и такъ отправленіе шло до Августа 1878 года, или въ теченіе цѣлаго года потребности въ услугахъ женщины неуменшались; напротивъ въ виду многихъ обстоятельствъ: увеличенія числа больныхъ, изнеможенія нѣкоторыхъ сестеръ, пришлось приступить еще и еще къ серіямъ уроковъ для подготовленія сестеръ «Краснаго Креста», которыя-бы могли или замѣнить изнемогшихъ и больныхъ или занять мѣсто умершихъ.

Ниже укажемъ порядокъ, въ которомъ отправлялись сестры милосердія; теперь-же нѣсколько словъ объ ихъ костюмахъ, обмундированіи и о проходахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Костюмы сестеръ были для всѣхъ одинаковые. Простое сѣрое или коричневое платье съ полосатымъ фартукомъ изъ бумажной ткани и на груди красный крестъ изъ такой же ткани. На головѣ бѣлая повязка и сверху платья сѣрое съ капюшономъ пальто. Каждой давались дорожныя вещи и сумка, въ которой находились необходимыя предметы. Вся эта обмундировка производилась на счетъ общества попеченія о больныхъ и раненыхъ дамами руководительницами и на нее полагалось до 100 рублей на каждую женщину, отправлявшуюся въ дальній и трудный путь.

Прежде отправленія изъ Петербурга, всѣ группы сестеръ, вмѣстѣ съ дамами руководительницами, представлялись Государынѣ Императрицѣ. Причемъ Ея Величество милостиво привѣтствовала каждую группу, благодарила руководившихъ подготовленіемъ и обученіемъ, соизволяя вмѣстѣ съ тѣмъ выражать надежду, что сестры отнесутся честно и добросовѣстно къ принимаемымъ на себя высокимъ обязанностямъ.

Дни отправленія сестеръ были торжественны и представляли умилятельныя картины. Всегда на станцію къ часу отхода поѣзда собиралось много народа, чтобы высказать добрыя пожеланія отправляющимся и благословить на подвигъ своихъ дочерей, оставляющихъ здѣсь дорогихъ сердцу и спѣшащихъ на помощь несчастнымъ жертвамъ войны. Е. В. Евгенія Максимиліановна лично провожала каждый отрядъ сестеръ, направлявшійся на Дунай или на Кавказъ и

милостиво прощалась, желая отъѣзжающимъ успѣховъ. Родные и знакомые тѣсной стѣной обступали вагоны, въ которыхъ находились сестры, и слезы и пожеланія—все смѣшивалось во взаимныхъ объятіяхъ. Поѣзды трогались и изъ глазъ провожавшихъ уносили русскихъ женщинъ, отправляющихся на войну; но долго еще не расходились толпы провожавшихъ, посылая мысленно благословеніе отправлявшимся и желанія добре совершить подвигъ, на который онѣ пошли добровольно. Пользуясь точными свѣдѣніями, я приведу въ послѣдовательномъ порядкѣ отряды и группы сестеръ, отправившихся изъ Петербурга и др. мѣстъ на войну въ теченіе 1877 и 1878 годовъ.

Ранѣе всѣхъ другихъ и даже довольно за долго до перваго отправленія сестеръ Бр. Кр. отправились изъ Петербурга сестры общинъ: Крестовоздвиженской, Георгіевской, Покровской и потомъ изъ Москвы, община «Утоли моя печали».

Первыя выдѣлили изъ себя большинство сестеръ въ видѣ самостоятельныхъ отрядовъ, и эти отряды направлены еще въ Кишиневъ. Во главѣ отрядовъ стояли старшія сестры: у Крестовоздвиженскихъ, Щеховская и Надеждина, у Георгіевскихъ, Е. П. Карцева, у Троицкихъ Е. А. Кублицкая. Отряды Крестовоздвиженскій состоялъ изъ 32 младшихъ сестеръ, Георгіевскій изъ 27 сестеръ, Покровскій изъ 35 сестеръ, Московская община, «Утоли моя печали», съ своей начальницей Княгиней Шаховскою послѣдовала нѣсколько позднѣе, но состояла изъ значительнаго числа (до 120) младшихъ сестеръ. Сверхъ того прибыли нѣсколько ранѣе другихъ группъ сестеръ «Краснаго Креста» сестры Благовѣщенской общины подъ руководствомъ г-жи Сабининой. Этому отряду, численностію доходящему до 90, предназначалось служеніе въ поѣздахъ, на которыхъ перевозили больныхъ по Румыніи. Точно также и на Кавказѣ ранѣе приступили къ дѣлу въ военно-временныхъ госпиталяхъ сестры мѣстной общины.

Съ появленіемъ большаго числа раненыхъ, съ открытіемъ большинства госпиталей, начались вызовы сестеръ «Краснаго Креста» и отправленія сихъ послѣднихъ на Дунай и на Кавказъ. Группы Петербургскихъ сестеръ слѣдовали одна за другой въ такомъ по времени порядкѣ.

Въ Іюнѣ 1877 г., отправилась изъ Петербурга Георгіевская группа, подготовлявшаяся въ Георгіевской общинѣ и состоящая изъ

20 младшихъ сестеръ и старшей сестры баронессы Рокасовской.

Въ Іюлѣ, (3-го) выѣхали двѣ группы на Кавказъ: Морская изъ 27 сестеръ, обучавшихся въ Морскомъ госпиталѣ и Обуховская изъ 19 сестеръ. Старшими сестрами были: въ первой Княгиня Хилкова, во второй же г-жа Бакунина. Въ этомъ же мѣсяцѣ двинулись въ Румынію и Болгарію четыре группы: Маринская, въ которой было 21 сестра, Петропавловская—16 сестеръ, Святотроицкая—20 сестеръ и Александровская—18 сестеръ. Названіе всѣ эти группы сестеръ «Краснаго Креста», получили отъ тѣхъ больницъ, въ которыхъ онѣ подготовлены. Старшія сестры этихъ группъ: г-жи Эрнстъ, Башина, Ермолова и Полозова.

Въ Августѣ въ Румынію направлена группа изъ 19 сестеръ съ старшей сестрой г-жей Цомкиной. Кромѣ того на Кавказъ получила назначеніе особая группа, подготовленная въ Костромѣ и состоящая изъ 15 сестеръ, старшею сестрою этой группы была г-жа Свербѣева. Въ Болгарію отправилось 15 сестеръ Евангелической діаконіи или діакониссъ.

Обстоятельства войны въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ Іюля и Августа, значительное число раненыхъ послѣ Плевненскихъ битвъ, увеличеніе числа дѣйствующихъ военно-временныхъ госпиталей, широкая эвакуація раненыхъ, повлекли болѣе вызововъ на театръ военныхъ дѣйствій, потребовали большаго числа сестеръ и вообще санитарнаго персонала. Отправленіе сестеръ шло уже въ болѣе широкихъ размѣрахъ; отправлены тѣ, которыя готовились въ больницахъ въ теченіе лѣта т. е. на открытыхъ вторично урокахъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ больницахъ и общинахъ.

Въ Сентябрѣ, (4-го) на усиленіе Свято-Троицкой группы сестеръ, отправилась въ Румынію еще новая группа изъ 20 сестеръ и въ томъ числѣ старшая В. Кусова.

10 Сентября, туда же, именно во Фратешти, группа изъ 20 сестеръ «Краснаго Креста» и 2 сидѣлокъ. Старшая сестра В. И. Коврайская.

10 же Сентября, отправленъ отрядъ сестеръ въ Болгарію, въ передовые лазареты. Въ отрядѣ было 12 младшихъ сестеръ, 2 сидѣлки и старшая В. Токарева.

15 Сентября, для усиленія персонала сестеръ на военно-санитарныхъ поѣздахъ особая группа изъ 11 сестеръ младшихъ и старшей Е. В а с и л ь е в о й.

18 того же мѣсяца, въ Закавказье группа сестеръ числомъ 22, сидѣлокъ 2 и старшая сестра И. А. Т и м а ш е в а.

Въ Октябрѣ (19-го), въ Болгарію 10 сестеръ, въ числѣ которыхъ и старшая сестра А. М. С и н е л ь н и к о в а.

Въ Ноябрь (8-го числа) въ распоряженіе главноуполномоченнаго въ Румыніи отправились 2 группы—О б у х о в с к а я и М о р с к а я вторыя. Каждая состояла изъ 15 сестеръ младшихъ и старшихъ сестеръ: первой А. П и л о н ѣ и второй О. К. М я г к о в о й. Осенью же прибылъ и англійскій отрядъ, состоящій изъ 8 младшихъ и 1 старшей Х. Д о н д а с ѣ.

Въ концѣ 1877 года и въ самомъ началѣ 1878 года былъ нѣкоторый промежутокъ въ отправленіи сестеръ милосердія. Шли новыя подготовленія, но вмѣстѣ съ этимъ, по обстоятельствамъ того времени, можно было предполагать, что наличныхъ силъ женскаго персонала, находящихся на обоихъ театрахъ войны, будетъ достаточно; тѣмъ болѣе, что тогда война уже была окончена и ожидалось скорое возвращеніе нашихъ армій въ Россію. Но съ этого же времени начали распространяться въ войскахъ заболѣванія тифозными болѣзнями, а за тѣмъ эти болѣзни начали сильно поражать и санитарный персоналъ. Многія сестры заболѣли и снова потребовались подкрѣпленія и подкрѣпленія... Начиная съ Февраля 1878 года снова началось отправленіе сестеръ «Краснаго Креста» и такъ продолжалось до Августа. Сначала отряды сестеръ направлялись, какъ и прежде, въ Румынію и Болгарію, а за тѣмъ уже въ Санъ-Стефано, гдѣ тогда была главная квартира дѣйствующей арміи и имѣлъ мѣстопробываніе главноуполномоченный общества попеченія о больныхъ и раненыхъ, въ распоряженіе котораго и прибывали группы сестеръ. Такимъ образомъ первая группа сестеръ въ 1878 году выѣхала изъ Петербурга въ началѣ Февраля.

5 Февраля отправлена группа изъ 15 сестеръ съ старшей сестрой Т. Н. Р о в н я к о в о й, въ Румынію, и другая группа также изъ 15 сестеръ и 1 сидѣлки съ старшей сестрой Л а з а р е в о й—въ Болгарію.

14 Февраля выѣхала въ Болгарію группа изъ 16 сестеръ младшихъ и старшей Ц о м к и н о й, изъ которыхъ три младшихъ и старшая сестра отправлялись на службу в т о р и ч н о. Сестры, заболѣвавшія на

службъ и ослабленныя какъ занятіями, такъ и болѣзною, возвращались или эвакуировались на родину; но какъ только поправлялись въ силахъ, то снова ѣхали къ оставленнымъ занятіямъ или пристраивались къ новой группѣ, отправляющейся въ мѣста-расположенія дѣйствующей арміи и снова несли свои многотрудныя обязанности.

25 Февраля отправился въ Яссы (Румынія) отрядъ изъ 16 сестеръ съ старшей сестрой Е. А. Семеновой. Изъ нихъ двѣ вторично.

Съ Марта отряды направляются уже въ Санъ-Стефано и кромѣ того въ госпитали, расположенные въ Русскихъ портахъ Чернаго моря. Такъ:

19 Марта двѣ группы, каждая изъ 15 сестеръ младшихъ и 2 старшихъ Н. Тарновской и А. П. Ильиной въ Санъ-Стефано. Изъ первого 10 младшихъ и старшая (Тарновская) — вторично.

18 Мая 15 сестеръ и старшая В. К. Кусова также въ Санъ-Стефано и все ѣхали второй разъ.

Въ Николаевѣ двѣ группы: въ одной было 16 младшихъ и старшая Е. Никитина, въ другой 10 и старшая Павлова.

7 Юля въ Болгарію (съ летучимъ отрядомъ наслѣдницы цесаревны) одна группа, 15 младшихъ сестеръ и старшая г-жа Линденбаумъ. Изъ нихъ 6 были уже за Дунаемъ и 7 только что возвратились тогда съ Кавказа.

Въ Юлѣ же 17 и 20 отправились въ Южные Порты четыре группы сестеръ; въ каждой было по 15 сестеръ младшихъ и старшія: В. В. Гротенгельмъ, А. Ф. Матвѣева, А. Е. Александрова и Е. С. Кислинская. Въ этихъ отрядахъ во второй разъ отправлялись: старшихъ 1 (г-жа Матвѣева), младшихъ 17 и одна изъ младшихъ въ третій разъ. Въ это же время на одинъ санитарный № 14 поѣздъ получили назначеніе 7 сестеръ и старшая г-жа Знаменская.

Кромѣ этихъ отрядовъ сестеръ милосердія и «Краснаго Креста», отправленныхъ изъ Петербурга, ради обновленія и освѣженія истощенныхъ труднѣйшей дѣятельностью и болѣзнями отрядовъ разныхъ общинъ сестеръ милосердія, работавшихъ на войнѣ, во время нужное, шло отправленіе сестеръ и изъ другихъ мѣстностей, какъ то: изъ Москвы (московскаго резерва) отправлено 4 группы (62) сестеръ «Краснаго Креста» и съ ними 4 старшія сестры, изъ Кіева одна — 15 сестеръ младшихъ и старшая баронесса Гейкинъ, изъ

Харькова (харьковского резерва) 3 группы, 45 младших и 3 старших сестры, изъ Одессы на пополненіе Благовѣщенской общины — 39 сестеръ.

Наконецъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1878 года, по требованію Главноуполномоченнаго въ дѣйствующей арміи, въ виду необходимаго укомплектованія сестрами остающихся на Балканскомъ полуостровѣ госпиталей, отправлено изъ резервовъ и общинъ вновь 62 сестры.

Независимо всѣхъ этихъ группъ и отрядовъ сестеръ, въ разное время отправились отдѣльно на театры военныхъ дѣйствій нѣкоторыя дамы, получившія также необходимую подготовку и разрѣшеніе приложить свои труды во врачебныхъ учрежденіяхъ дѣйствующихъ армій. Насколько можно было собрать свѣдѣнія, такихъ лицъ было очень не много и всѣ онѣ впоследствии пристроивались къ тѣмъ или другимъ отрядамъ сестеръ милосердія. Изъ Петербурга около 10, изъ Москвы 6, изъ Вильны 3, изъ Орла 1, изъ Тобольска 1 и др. мѣсть около 10 отправились въ Болгарію и на Кавказъ.—

Вотъ порядокъ отправленія отрядовъ сестеръ и нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ этихъ отрядовъ, о старшихъ сестрахъ, равно какъ и о томъ, куда онѣ отправлялись! Всѣ отряды сестеръ милосердія разныхъ общинъ и группы сестеръ «Краснаго Креста» отправлялись въ распоряженіе Главноуполномоченныхъ общества «Краснаго Креста». Значить отправлявшіяся въ Бишинево - Ясскій районъ попадали въ вѣдѣніе г. Абазы, въ Румынію — г. Рихтера, въ Болгарію — сначала Князя Черкасскаго, а затѣмъ г. Панютина; на Кавказѣ также въ вѣдѣніе уполномоченныхъ общества. Для большей наглядности, считаю уместнымъ сгруппировать нѣкоторыя изъ вышеизложенныхъ свѣдѣній въ одну таблицу.

	Въ 1877 г.				и	1878 г.	
	Число от- правленныхъ группъ.	Сестры Общинъ се- стеръ мило- сердія.	Сестры «Краснаго Креста».	Старшія сестры.	Изъ Петербурга.	Изъ другихъ мѣстъ.	Группы.
Въ Дун. дѣйств. арм. . .	31	323	468	31	24	7	
Въ Кавк. дѣйств. арм. . .	7	21	134	7	3	4	
Въ Черном. порты . . .	6	—	86	6	6	—	
На Санитарн. поѣзды . .	3	—	27	3	3	—	
ВСЕГО . . .	47	344	715	47	36	11	

Если исключимъ 4 старшихъ и 47 младшихъ сестеръ, отправлявшихся вторично и одну ѣхавшую въ третій разъ; то общее число отправлявшихся изъ Петербурга и другихъ мѣстъ будетъ: 43 старшихъ сестры, въ числѣ которыхъ и начальницы общинъ, и 1058 младшихъ сестеръ разныхъ общинъ и «Краснаго Креста», или всѣхъ вообще отправлено до 1100 сестеръ.

Эту цифру не могу считать абсолютно точной и вѣрной; такъ какъ сюда не вошли подробныя данныя о числѣ сестеръ мѣстныхъ кавказскихъ общинъ и группъ, о тѣхъ женщинахъ, которыя въ теченіе всей войны и послѣ нея отправлялись внѣ означенныхъ группъ и уже на мѣстѣ пристраивались къ тому или другому отряду съ разрѣшенія главноуполномоченныхъ, о женахъ врачей, отправившихся вмѣстѣ съ ними и госпиталями и потомъ работавшихъ въ послѣднихъ и наконецъ о тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ выдвинутыми госпиталями и лазаретами «Краснаго Креста» отправлялись или въ Кишиново-Ясскій районъ или на Кавказъ, какъ то: Новгородскій, Пермскій, Вятскій, Псковскій, Московскій, Петербургскій и проч. лазареты.—Полагая приблизительно, что всѣхъ подобныхъ женщинъ, отправлявшихся въ качествѣ сестеръ милосердія было около 200, мы будемъ не далеко отъ болѣе вѣрной цифры сестеръ милосердія, отправлявшихся во всѣ районы расположенія дѣйствующихъ армій и ихъ тыла, разновременно. Около 1300 женщинъ отправлялось на войну изъ разныхъ мѣстъ Россіи, въ 1877 и 1878 годахъ, въ качествѣ сестеръ милосердія!... Если же изъ этого числа исключимъ тѣхъ, которыя назначены были въ Черноморскіе порты и Кишиново-Ясскій районъ, что составитъ не болѣе 250 сестеръ; то собственно въ Болгарію, Румынію и за тѣмъ въ Румелію и на Кавказъ въ дѣйствующія арміи отправилось около тысячи женщинъ въ качествѣ сестеръ милосердія.

Что касается до проѣзда сестеръ къ мѣстамъ назначенія, то позволю себѣ привести описаніе одной изъ нихъ, ѣхавшей на Кавказъ:

«Нашъ отрядъ, состоящій изъ 28 сестеръ, выѣхалъ изъ Петербурга, по Николаевской желѣзной дорогѣ на Кавказъ. Намъ отвели отдѣльный вагонъ II-го класса, въ которомъ мы и размѣстились довольно удобно. Въ дорогѣ общество наше раздѣлилось на нѣсколько группъ, которыя образовались сами собою еще ранѣе во время занятій; знакомства сестеръ основывались конечно на личныхъ симпатіяхъ. Въ каждой группѣ господствовали свое пониманіе и свой

взглядъ на вещи, да и не могло быть иначе; такъ какъ лица, ѣхавшія вмѣстѣ, были въ нѣкоторой степени различны по образованію, по развитію, по положенію въ свѣтѣ. Тутъ были сестры, смотрѣвшія на дѣло съ полнымъ сознаніемъ всей его важности и высказывавшія полную готовность терпѣть для него всѣ неудобства и лишенія, были-же и такія, которыя смотрѣли нѣсколько легче. Болѣе другихъ держали себя отдаленно сестры милосердія изъ общинъ и сестры, которыя, раньше поступленія въ нашъ отрядъ, занимались этимъ дѣломъ, какъ профессіей. Всю эту разнохарактерность нашего отряда очевидно сознавала наша старшая сестра и потому старалась держать свой отрядъ по возможности строго и въ порядкѣ, не позволяя даже разговаривать съ сестрами, ѣхавшими въ другомъ отрядѣ, не выходить безъ спросу на платформу, хотя ранѣе всѣ мы жили болѣе или менѣе самостоятельно. Вездѣ на станціяхъ намъ отводили лучшія комнаты, давали обѣдъ прекрасный. По желѣзной дорогѣ довели насъ до Владикавказа, откуда уже предстоялъ путь на почтовыхъ. (Въ Владикавказѣ намъ пришлось пробыть два дня, потому что цѣлымъ отрядомъ за недостаткомъ экипажей и лошадей ѣхать было не возможно). Для помѣщенія намъ здѣсь отвели большую, но довольно грязную квартиру, въ которой прежде находился трактиръ. Несмотря на то, что всѣ мы послѣ четырехдневнаго переезда нуждались въ отдыхѣ,—отдохнуть было дѣйствительно негдѣ. Кроватей было мало, а на полу спать не было возможности по причинѣ большого количества насѣкомыхъ. За то мы утѣшились ужиномъ въ общественномъ саду, гдѣ, судя по любопытству публики, мы представляли собой довольно оригинальную картину. Въ Владикавказѣ-же, мы узнали для себя непріятную новость, что насъ далѣе будутъ отправлять черезъ извѣстные промежутки времени, партіями человѣкъ въ 7 или 8, и надъ каждой партіей назначится особая старшая сестра; выбранная преимущественно изъ общинныхъ сестеръ. Мы были къ этому мало подготовлены и не могли съ этимъ примириться, привыкнувъ къ мысли имѣть у себя одну старшую сестру.

Обязанность назначенныхъ такъ-называемыхъ нашихъ старшихъ сестеръ заключалась въ слѣдующемъ: смотрѣть за порядкомъ, за нравственностью сестеръ и вести хозяйственную часть, распоряжаться чаемъ, брать или заказывать на станціяхъ обѣды, если они были и т. п., для чего имъ были выданы деньги на каждую пар-

тію для продовольствія насъ отъ Владикавказа до Тифлиса. Нѣкоторые изъ нихъ задавались мыслію уэкономить нѣсколько рублей и держали свою партію, такъ сказать, въ проголодь. Это конечно было довольно непріятно. Да и кромѣ того, по малому развитію и плохому пониманію своего положенія и обязанностей, вызывали неудовольствія противъ себя со стороны младшихъ сестеръ. Но неудовольствія выражались только въ словесныхъ протестахъ и не восходили до серьезныхъ жалобъ... Другія же условія дороги были всѣ очень хороши. Лошадей давали безъ задержанія, отправляли въ хорошихъ экипажахъ и даже съ конвоемъ для безопасности.

Переѣздъ отъ Владикавказа до Тифлиса продолжался 3 дня. Пробывъ въ Тифлисѣ 3 дня, въ остальные 3 дня мы доѣхали до Александрополя, гдѣ нашему отряду назначено было остаться для работы. Въ Александрополѣ пришлось занять очень незавидное помѣщеніе; но здѣсь началось уже дѣло и потому не до помѣщеній было... Здѣсь оставаться безъ дѣла пришлось не долго. Лишь только собрался отрядъ и всѣ сестры были на лицо, старшая сестра немедленно насъ распредѣлила по госпиталямъ».

Почти то же самое говорится объ удобствахъ пути сестеръ, ѣхавшихъ въ Румынію и Болгарію, въ имѣющихся въ моемъ распоряженіи замѣткахъ сестеръ милосердія изъ группъ, направленныхъ въ Румынію. Въ нихъ отмѣчены заботливое попеченіе объ удобствахъ сестеръ со стороны лицъ, сопровождавшихъ отряды, сердечное участіе, выражаемое обществомъ при встрѣчахъ на дебаркадерахъ станцій, и наконецъ соблюденіе возможныхъ удобствъ при движеніи по грунтовымъ дорогамъ. Нельзя при всемъ этомъ не занести вполнѣ справедливыхъ замѣчаній сестеръ о тѣхъ лишеніяхъ и трудностяхъ, которыя выпали на долю вообще всѣмъ, бывшимъ въ походѣ и на войнѣ, и о тѣхъ задержкахъ въ пути, которыя пришлось испытывать на румынскихъ дорогахъ. — Отряды прибывали въ распоряженіе главноуполномоченныхъ и, какъ только представлялось возможнымъ, распредѣлялись по госпиталямъ и по разнымъ питательнымъ и др. пунктамъ, вообще всюду, гдѣ только требовались помощь и служба сестеръ.

Ранѣе переправы войскъ черезъ Дунай прибыли къ дѣйствующей арміи сестры общинъ: «Крестовоздвиженской», «Георгіевской», «Троицкой», «Утоли моя печали», «Благовѣщенской», а затѣмъ мало по малу начали прибывать и группы сестеръ «Красна-

го Креста», по преимуществу изъ Петербурга. Первыя двѣ общины первыми же и окрестились военнымъ огнемъ, при переправѣ чрезъ Дунай. На Кавказѣ также въ началѣ работали сестры изъ мѣстныхъ жительствовавшихъ, а затѣмъ въ Юлѣ туда начали прибывать сестры «Краснаго Креста» изъ Петербурга и Москвы. Немного послѣ сестры милосердія разсыпались по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только нужны были уходъ и помощь женщины:—Брестовоздвиженскія сестры въ Пятрѣ и близъ переправы на Дунаѣ, Георгіевскія также, а частію послѣдовали за арміей, «Утоли моя печали» — самая многочисленная (Московская) въ госпиталяхъ, расположенныхъ въ Румыніи — Браиловъ, Бухарестъ, Галацъ, Бузео и др., Троицкая въ Яссахъ (эвакуація и потомъ нѣкоторые отдѣленія ея по дорогѣ изъ Зимницы во Фратешти — въ Путине), — группы г-жъ Эрнстъ въ Фратешти, Полозовой въ Систовѣ, — Община Благовѣщенская въ Кишиневѣ и на поѣздахъ иностранныхъ отъ Фратешти до Яссъ. Наконецъ на санитарныхъ поѣздахъ русскихъ трудились сестры, специально назначенныя на каждый поѣздъ.

Съ обложеніемъ Плевы и затѣмъ съ движеніемъ нашихъ войскъ въ глубь Болгаріи и Турціи, съ передвиженіемъ военныхъ госпиталей, вмѣстѣ съ послѣдними идутъ перемѣщенія сестеръ милосердія. Такъ: Георгіевскія занимаютъ въ Боготѣ, Трновѣ, Габровѣ, «Утоли моя печали» (часть) въ Булгарени, Покровскія въ Бѣлѣ, Разградѣ и въ Русчукскомъ отрядѣ. На мѣсто же ихъ прибываютъ и являются новыя отряды, какъ-то г-жъ Коврайской, Кусовой, Пилонъ, Мягковой, Синельниковой, и др. Наконецъ являются сестры въ этапныхъ и летучихъ отрядахъ имени Ея Величества Государыни Императрицы и Ея Высочества Наслѣдницы Цесаревны, сестры Нѣмецкой діаконіи (Систово) и Англійскія діаконисы (въ Русчукскомъ отрядѣ). Многія изъ сестеръ продолжаютъ работать въ тылу арміи. Нѣсколько ранѣ расположились въ Кишиневско-Ясскомъ районѣ сестры въ мѣстныхъ подвижныхъ лазаретахъ, какъ-то: въ Баларашѣ, Унгенахъ, въ монастыряхъ Кипріана, Гербовецкомъ, въ самыхъ Яссахъ и пр.

Съ переходомъ нашихъ войскъ за Балканы и занятіемъ Адрианополя нѣкоторыя сестры милосердія прибываютъ ранѣ госпиталей, именно: бывшія при летучемъ отрядѣ вмѣстѣ съ Гвардейскимъ корпусомъ и Георгіевскія, бывшія въ Боготѣ въ № 69 госпиталѣ, и занимаютъ въ дивизионныхъ лазаретахъ, расположенныхъ

въ Адрианоуполѣ и Филиппополѣ. И такъ начиная отъ Балканъ до Адрианоуполя во всѣхъ госпиталяхъ работаютъ сестры милосердія и «Краснаго Креста». На Кавказѣ также сестры «Краснаго Креста» получили назначеніе приложить свои силы и знанія въ госпиталяхъ, расположенныхъ въ Александрополѣ, Делижанѣ и по деревнямъ, когда приняты были принципы разсѣянія больныхъ. По прекращеніи собственно военныхъ дѣйствій и по занятіи Румелии почти до Константинополя, линія нашихъ госпиталей уже получила новое расположеніе. Но прежде, чѣмъ госпитали прибыли въ Румелию, ихъ мѣста занимали дивизіонныя лазареты, въ которыхъ и пришлось работать сестрамъ, какъ-то: въ Санъ-Стефано, во Флорію и пр. Съ прибытіемъ же военно-временныхъ госпиталей въ Румелию, и сестры получили назначеніе заниматься въ нихъ. Такъ онѣ работали въ госпиталяхъ: Чорлу, Чатаджѣ, Адрианоуполѣ, Киркилисѣ, Демердеши, Санъ-Стефано, и даже въ Константинополѣ. Причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ несли службу въ госпиталяхъ эвакуаціонныхъ. Вообще же излагать послѣдовательно и точно распредѣленіе сестеръ на войнѣ въ разное время значило бы излагать подробно исторію движенія и распредѣленія военно-временныхъ госпиталей; такъ какъ группы сестеръ, попадая въ тотъ или другой госпиталь, вмѣстѣ съ нимъ продолжали свою службу до окончанія дѣятельности госпиталя, передвигаясь съ нимъ изъ одного мѣста въ другое...

Во все продолженіе войны и послѣ нея группы сестеръ находились въ распоряженіи главноуполномоченныхъ, отъ которыхъ зависѣли назначенія сестеръ въ тотъ или другой госпиталь, переводъ изъ одного въ другой и пр. По соглашенію съ инспекторомъ госпиталей, главноуполномоченный направлялъ группы сестеръ въ разные госпитали, гдѣ онѣ и трудились уже въ вѣдѣніи главныхъ госпитальныхъ врачей или госпитальныхъ комитетовъ, не относясь между тѣмъ къ полевому медицинскому управленію. Младшія сестры во всемъ подчинялись старшимъ и трудились тамъ, гдѣ было послѣдними назначено...

ГЛАВА IV.

Дѣло и служба русской женщины въ Россіи во время войны.

Полное и подробное описаніе дѣятельности женщины, трудившейся во время войны дома, не входило въ задачи предлагаемаго очерка; но тѣмъ не менѣе, въ виду тѣсной связи между дѣйствіями работавшихъ «тамъ» — на войнѣ и «здѣсь» — въ Россіи, не будетъ не умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ, которыхъ дѣятельность выразилась ощутительно во всемъ дѣлѣ попеченія о больныхъ и раненыхъ войнахъ. Женщина и здѣсь — дома, въ Россіи, — во время войны, не сидѣла, сложа руки, не осталась безучастной къ положенію раненыхъ и больныхъ воиновъ и вообще къ общему государственному дѣлу. Если она не могла почему-либо также отправиться на войну, если ея предложенія и послуги оказывались излишни «тамъ», такъ какъ «дѣлающихъ на войнѣ» было уже такъ довольно, что другимъ не оставалось мѣста, то русская женщина проявила движеніе своего сердца «здѣсь», направила всѣ свои силы и энергію на дѣло помощи больнымъ и раненымъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя образовались внутри Россіи въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ, энергично вела дѣло, такъ сказать, подготовительное и оказала не менѣе полезнѣйшихъ услугъ нашимъ арміямъ, воевавшимъ и въ Болгаріи и на Кавказѣ.

Внутри Россіи, какъ уже извѣстно, были открыты многочисленныя лазареты «Кр. Кр.», въ которыхъ пользовались больные и раненые, привозимые съ театра войны и которые потребовали также услугъ

женщины въ качествѣ сестры милосердія. Уходъ за больными въ этихъ госпиталяхъ и лазаретахъ всецѣло лежалъ на женщинѣ, приготовленной къ этому дѣлу и служившей съ полнымъ усердіемъ за малое вознагражденіе, а въ иныхъ мѣстахъ и безъ всякой платы. Вслѣдствіе признанной необходимости доставить больнымъ и раненымъ, находящимся на излеченіи въ военныхъ госпиталяхъ тотъ же уходъ, коимъ пользовались они въ лазаретахъ, устроенныхъ усердіемъ мѣстныхъ учрежденій Общества «Краснаго Креста», Главное Управленіе этого общества нашло возможнымъ предложить мѣстнымъ отдѣламъ озаботиться снабженіемъ сестрами «Краснаго Креста» тѣхъ военно-лечебныхъ заведеній, въ которыхъ доселѣ ихъ не было. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по соглашенію съ военнымъ и военно-медицинскимъ вѣдомствами, мѣстные отдѣлы Общества отправили сестеръ «Краснаго Креста» и въ военные госпитали. Но въ скоромъ времени состоялось, по докладу Главнаго военно-медицинскаго Инспектора и согласно представленію Главнаго Штаба, положеніе Военнаго Совѣта, Высочайше утвержденное 8 Апрѣля. Военный Совѣтъ положилъ: 1) Сестеръ милосердія въ постоянные и военно-временные госпитали, состоящіе внѣ района дѣйствующей арміи, допускать, сверхъ штатнаго числа офицерскихъ мѣстъ, по расчету одной сестры на 50 больныхъ. 2) Всемъ штатнымъ сестрамъ, сверхъ содержанія, опредѣленнаго приказомъ по военному вѣдомству 1873 г., № 80, производить по 30 рублей въ мѣсяцъ отъ казны. 3) Отпускъ денежнаго содержанія штатнымъ сестрамъ милосердія производить: въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ, устроенныхъ на военное время, до ихъ расформированія; въ постоянныхъ же госпиталяхъ—до выбытія изъ нихъ больныхъ и раненыхъ, поступившихъ изъ дѣйствующихъ армій, предоставляя распоряженія по этому предмету главнымъ начальникамъ округовъ. 4) Штатнымъ сестрамъ милосердія, въ случаѣ недостатка помѣщеній въ госпиталяхъ, производить квартирные деньги, на каждаго двухъ сестеръ по одному оберъ-офицерскому окладу, въ размѣрѣ по разрядамъ мѣстностей, согласно положенію 8-го Іюня 1874 года, о преобразованіи воинской квартирной повинности.

Въ силу этого повелѣнія сестры милосердія «Краснаго Креста» появились вездѣ, и во всѣхъ военныхъ постоянныхъ и военно-временныхъ госпиталяхъ, расположенныхъ въ Россіи, и приложили свой трудъ къ уходу за больными и ранеными, помѣщаемыми въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ.

О похвальной и ревностной ихъ дѣятельности, о заботливомъ, тщательномъ и умѣломъ уходѣ уже сказано ранѣе въ свѣдѣніяхъ о подготовленіи сестеръ Краснаго Креста, гдѣ между прочимъ помѣщены и нѣкоторые отзывы мѣстныхъ врачей и агентовъ частной помощи. А еще болѣе польза и значеніе ихъ сказались небольшими и незначительными процентами смертности между больными и ранеными, которые находились на излеченіи въ разныхъ лазаретахъ, расположенныхъ внутри Россіи. Извѣстно уже, какую долю участія въ уменьшеніи этого процента играетъ хорошій, цѣлесообразный и умѣлый уходъ! Въ настоящемъ очеркѣ достаточно затѣмъ указать общую цифру женщинъ, работавшихъ въ мѣстныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ, которая можетъ дать нѣкоторое представленіе о размѣрахъ дѣятельной помощи, принесенной русской женщиной въ теченіе минувшей турецкой войны... Всего приблизительно дѣйствовало, въ качествѣ сестеръ милосердія, болѣе 650 женщинъ. Цифра эта быть можетъ даже нѣсколько ниже дѣйствительной, такъ какъ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ число сестеръ было довольно значительно, какъ напр. въ Кіевскихъ лазаретахъ Краснаго Креста сначала 10 больныхъ ввѣрено было одной сестрѣ, и за тѣмъ уже, когда число больныхъ увеличилось, уходомъ каждой сестры пользовалось около 14 больныхъ и раненыхъ. Вообще же полагалась правилами, выработанными Главнымъ Управленіемъ Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, одна сестра не болѣе какъ на 25 больныхъ. Если присоединить къ общей цифрѣ число сестеръ, работавшихъ въ военныхъ госпиталяхъ, то безъ сомнѣнія она увеличится значительно.

Въ общее число, выведенное нами, не вошли во 1) женщины, работавшія добровольно, безъ содержанія и не принадлежавшія къ группамъ сестеръ, опредѣленнымъ въ лазареты, 2) монахини и послушницы монастырей и въ 3) сидѣлки, которыя были почти въ каждомъ лазаретѣ и не входили въ общій счетъ сестеръ милосердія. Такимъ образомъ можно съ достовѣрностью положить, что общее число женщинъ, посвятившихъ себя уходу за больными, восходитъ до 1000 и даже болѣе. При посѣщеніи госпиталей и лазаретовъ, приходилось встрѣчаться съ такими личностями, которыя вносили свой ежедневный трудъ и даже ежедневно посѣщали госпитальныя кухни, какъ напр. въ Кіевѣ, Одессѣ, Кишиневѣ и др. мѣстахъ. Этимъ дѣломъ занимались дамы съ обезпеченнымъ положеніемъ и высокопоставленныя въ мѣстныхъ обществахъ. Онѣ несли наравнѣ

съ сестрами «Краснаго Креста» всѣ обязанности по уходу за больными и наблюденіе за содержаніемъ послѣднихъ. Что содержаніе или жалованье не составляло главнѣйшаго и единственнаго мотива несенія трудной обязанности сестеръ, это можно усмотрѣть изъ самыхъ окладовъ, которыми пользовались сестры. Ежемѣсячное содержаніе, по общему положенію главнаго управленія, опредѣлено было въ 15 рублей, но во многихъ мѣстахъ сестры соглашались получать и получали менѣе этой суммы, (отъ 10 до 5 руб. въ мѣсяцъ), а инныя и вовсе отказывались отъ жалованья, работая единственно изъ желанія принести пользу своимъ трудомъ отечеству. Нѣтъ сомнѣнія, что такой добросовѣстный трудъ—принесеніе себя въ жертву желателенъ въ такую тяжкую годину испытанія, и это можетъ служить гарантіей сердечности и теплоты дѣла; но тѣмъ не менѣе явились сестры знающія, горячо желавшія посвятить себя дѣлу, и въ то же время живущія своимъ трудомъ, бѣдныя, которыя, посвящая себя всецѣло занятіямъ въ лазаретахъ, не могли уже сами доставать себѣ пропитаніе. Лишаться такихъ дѣятельницъ—несомнѣнно полезныхъ и нужныхъ — едва-ли было удобно изъ за того, что они не могли въ одно и тоже время добывать себѣ содержаніе, занимаясь богоугоднымъ дѣломъ. Главное управленіе, какъ и мѣстные его отдѣлы, взглянули на эту сторону вопроса такъ, что, предоставляя желающимъ трудиться добровольно и относясь къ такому даровому труду съ вниманіемъ и признательностью, всѣ они принимали на свой счетъ содержаніе тѣхъ изъ сестеръ, которыя нуждались въ томъ и которыхъ труды не менѣе были необходимы и полезны. Хотя опредѣленное содержаніе нельзя назвать высокимъ; но его достаточно было для удовлетворенія нуждъ женщинъ, все свое время, знанія и силы отдавшихъ больнымъ и раненымъ. Расходъ на этотъ предметъ тѣмъ болѣе долженъ считаться производительнымъ, что польза, принесенная женщинами въ больницахъ и лазаретахъ, неизмѣримо велика. Кто знаетъ госпитальное дѣло и вообще больничные порядки, тотъ не усомнится въ истиннѣ сказаннаго и не сочтетъ его преувеличеніемъ.

Дѣятельность русской женщины здѣсь, дома, не ограничилась однимъ только уходомъ за больными. Она довольно широко проявила свое заботливое участіе въ судьбѣ несчастныхъ жертвъ войны и вообще всего войска. Все обширное дѣло общественной помощи и попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ находилось подъ Высо-

чайшимъ покровительствомъ и постояннымъ, заботливымъ руководительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы. Горячее, дѣятельное участіе въ его отдѣлахъ принимали Ихъ Высочества Государыня Наслѣдница Цесаревна и Великія Княгини Александра Іосифовна, Александра Петровна, Марія Павловна, Екатерина Михайловна, Евгения Максимиліановна, Принцесса Ольденбургская и на Кавказѣ Великая Княгиня Ольга Θεодоровна. Кромѣ непосредственного и личнаго содѣйствія цѣлямъ частной помощи ¹⁾, выразившимся въ занятіяхъ и обсужденіяхъ разныхъ вопросовъ по этому серьезнѣйшему дѣлу, въ сборѣ пожертвованій и средствъ, необходимыхъ въ это время, кромѣ дѣятельнаго сочувствія, характерно отличавшаго всѣхъ русскихъ женщинъ, — многія изъ нихъ приспособили свои знанія и труды къ той или другой отрасли обширнаго дѣла частной помощи. Такимъ образомъ организовались «особые дамскіе комитеты». Къ существовавшимъ до войны комитетамъ во время кампаніи присоединялись новые и новые, такъ что къ 1 Февраля 1878. года специальныхъ дамскихъ комитетовъ было 81. Такъ въ Петер-

¹⁾ Предсѣдательницы Окружныхъ Управленій: г-жи А. Г. Игнатъева (Архангельскъ), Графиня А. М. Адлербергъ (Гельсингфорсъ), О. П. Зубова (Гродно), П. И. Скарятинъ (Казань), Е. В. Баилевская (Ковно), Л. И. Кормалина (Кубань), А. Г. Краснуцкая (Новочеркасскъ), Л. А. Татищева (Пенза).

Предсѣдательницы Мѣстныхъ Комитетовъ: А. К. Глѣбова (Балта), Л. П. Давидовичъ-Нащинская (Барнаулъ), Р. Т. Карпова (Бахмутъ), А. Я. Никитина (Брянскъ), М. В. Красовская (Бѣлозерскъ), М. А. Ангель, Графиня С. А. Редингеръ (Вѣлостокъ), З. К. Рѣзникова (Вѣльскъ), М. И. Багговутъ (Гатчино), Е. С. Дивари (Гори), Н. П. Полозова (Даниловъ), Кн. Друцкая-Соколинская (Духовщина), П. Е. Иванова (Екатеринбургъ), П. Н. Бодиско (Золотоноша), М. К. Карпова (Каменка), Е. А. Тустановская (Шенкурскъ), М. М. Алѣва (Касимовъ), И. А. Дзѣковская (Кобринъ), Е. Н. Паникаровская (Кола), А. С. Фоминская (Красное Село), Е. И. Чубарова (Кронштадтъ), Баронесса О. фонъ-Корфъ (Либава), А. В. Вѣлаго (Ливны), Р. Н. Лишина (Люблинъ), Д. П. Скарятинъ (Малоархангельскъ), С. Е. Трофименко (Мезень), Ю. Ф. Бекманъ (Нижнетагиль), Ю. С. Боборыкина (Орелъ), К. И. Письменная (Павлоградъ), А. И. Баумгартенъ (Петергофъ), Е. П. Балкъ (Ржевъ), Н. И. Милитинская (Рославль), Е. Н. Донаурова (Рязань), А. Н. Чуйкевичъ (Себежъ), Е. К. Рихтеръ (Севастополь), С. М. Патонъ (Смоленскъ), О. А. Воейкова (Сызрань), Е. М. Климонтовичъ (Сѣвскъ), А. Т. Жданова (Темниковъ), Н. И. Мельникова (Царицынъ), Ю. Бѣлинская (Череповецъ), Н. Н. Дедюлина (Чугуевъ).

бургъ было 9 дамскихъ комитетовъ, въ Москвѣ 3, въ Варшавѣ 2 и т. д. ²⁾).

При нѣкоторыхъ мѣстныхъ отдѣлахъ Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ въ Одессѣ, Кіевѣ и друг. во время войны образовались особые съ той или другой специальной цѣлью дамскіе комитеты, или вѣрнѣе отдѣленія комитетовъ, избравшія постоян-

²⁾ Предсѣдательницы дамскихъ Комитетовъ: въ С.-Петербургѣ: перваго Графиня Е. О. Тизенгаузенъ, втораго Е. В. Принцесса Евгенія Максимилановна Ольденбургская, третьяго Е. В. Марія Павловна, четвертаго Графиня Н. Д. Протасова, пятаго Графиня Е. Н. Гейденъ, комитета для оказанія пособія вдовамъ и сиротамъ С. И. Ермакова, для пріема всякаго рода пожертвованій Ю. О. Гамбургеръ, лазаретнаго А. Н. Мальцова, Александровскаго Е. А. Матвѣева. Въ Москвѣ: Московскаго княгиня Н. Б. Трубецкая, Александровскаго П. И. Чепелевская, Марининскаго Е. К. Бостанджиско, въ Кіевѣ М. А. Дрентельнъ, въ Варшавѣ графиня Коцебу и Баронесса С. М. Меллеръ-Закомельская, въ Аккерманѣ М. Н. Линдереръ, Бирскѣ А. Р. Шмитцъ, Велугѣ А. Г. Верховская, Вильнѣ А. С. Альбединская, Владикавказѣ М. Б. Свистунова, Выборгѣ Е. М. Казакова, Галичѣ М. В. Куломзина, Гельсингфорсѣ А. Синебрюхова, Глуховѣ А. Н. Неплюева, Дубнѣ К. В. Воронина, Екатеринославѣ Т. П. Лупкая, Житомирѣ Н. П. Грессеръ, Измаилѣ О. Романенко, Калмыковѣ З. С. Головинова, Калугѣ М. Шевичъ, Каширѣ Е. А. Преженцова, Кинешмѣ Е. Г. фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ, Кишиневѣ М. И. Шебеко, Козловѣ С. А. Соломка, Кологривѣ А. И. Перфильева, Костромѣ Игуменя Марія, Кунгурѣ А. Фоминская, Курскѣ Жедринская, Макарьевѣ В. П. Верховская, Минскѣ М. Д. Чарыкова, Митавѣ А. П. Карташева, Митавѣ 2-го—С. Кейзерлингъ, Моршанскѣ Е. А. Ильина, Нерехтѣ Е. А. Оедорова, Нижнемъ-Новгородѣ О. В. Кутайсова, Нѣжинѣ А. С. Почека, Овручѣ А. В. Полонская, Омскѣ Е. С. Казнакова, Оренбургѣ О. К. Крыжановская, Осташковѣ П. И. Орлова-Савина, Переяславлѣ М. М. Томашевичъ, Полтавѣ А. Н. Мартынова, Пятигорскѣ О. П. Кельнеръ, Ровно М. И. Солецкая, Ригѣ Л. О. Искуль-Гильтенбантъ, Ростовѣ Е. А. Ошанина, Рыбинскѣ И. К. Тюменева, Самарѣ Е. К. Рихтеръ, Сараевѣ М. А. Федулова, Симбирскѣ А. А. Малахинская, Солигаличѣ А. А. Муромцева, Ставрополѣ Н. Д. Фонъ-Денъ, Стародубскѣ М. А. Скоропадская, Сувалкахъ Е. П. Головина, Суджѣ Кн. М. А. Барятинская, Тамбовѣ Кн. Е. Ф. Шаховская-Стрѣшневъ, Таращѣ А. А. Семенова, Темиръ-Ханъ-Шурѣ Кн. А. М. Меликова, Тифлисѣ Графиня А. П. Алонсусъ, Тулѣ М. А. Ушакова, Тюкаминскѣ Е. Н. Прасолова, Тюменѣ И. О. Колмогорова, Угличѣ Н. С. Соковнина, Уральскѣ А. С. Роголя-Левицкая, Уфѣ А. А. Штанге, Херсонѣ А. М. Пашенко, Черниговѣ Е. Н. Дароганъ, Чухломѣ О. С. Кузьмина, Ревелѣ Э. А. Фонъ-Ренненкампфъ, Юрьевѣ Е. В. Салькова, Ярославлѣ М. Н. Шмитцъ.

нымъ и главнымъ предметомъ своихъ занятій ту или другую сторону частной помощи, какъ-то: приготовленіе персонала, снабженіе платьемъ, посѣщеніе госпиталей и наблюденіе въ нихъ за пищей и содержаніемъ, снабженіе больныхъ пищею и пр. Во всѣхъ подобныхъ многочисленныхъ учрежденіяхъ горячими и ревностными дѣятелями были женщины, посвящавшія свои силы, способности и средства дѣлу попеченія о больныхъ и раненыхъ. Онѣ занимались сборомъ пожертвованій какъ вещами, такъ и деньгами, приготовленіемъ необходимыхъ вещей, отправкой ихъ въ армію и пр. Нужно отдать полную справедливость, что движеніе русской женщины въ этомъ направленіи было обширно и плодотворно.

Наконецъ русская женщина высказала свое дѣятельное участіе и показала свойственную ей предусмотрительность въ образованіи складовъ бѣлья, одежды и многихъ другихъ необходимыхъ вещей, — складовъ обширныхъ, оказавшихъ самыя благопріятныя послѣдствія не только для больныхъ и раненыхъ, но и для здоровыхъ людей въ дѣйствующихъ арміяхъ. Сотни тысячъ пудовъ разныхъ вещей собраны, приготовлены и отправлены въ арміи въ Болгарію и на Кавказъ. Одинъ Петербургскій складъ отправилъ болѣе 50 тыс. пудовъ разныхъ вещей. Это было большимъ и замѣтнымъ подспорьемъ въ госпитальномъ дѣлѣ, давая возможность поддерживать чистоту, опрятность, доставлять своевременно перемѣны бѣлья, укрывать теплѣе въ зимнее время и на транспортахъ, воспособлять при перевязкахъ и пр. По многочисленнымъ отзывамъ уполномоченныхъ, эти учрежденія принесли громадную пользу и, благодаря имъ, во многихъ случаяхъ можно было высказаться частной помощи рѣшительнѣе и съ очевидной пользой. Склады были образованы въ Петербургѣ: центральный въ завѣдываніи барон. Э. Ф. Радденъ, въ Москвѣ—М. И. Дурново, въ Харьковѣ—кн. Крапоткиной, въ Кишиневѣ—бар. Притвицъ, въ Бухарестѣ Л. А. Демидовой, въ Смѣлянахъ княг. О. В. Лопухиной-Демидовой и др. Какое участіе принимала женщина въ подобнаго рода учрежденіяхъ, можно видѣть хотя бы изъ того, что въ Петербургскомъ складѣ работало до 120 дамъ. Къ этимъ учрежденіямъ примыкали швейныя, готовившія бѣлье, платье и пр., и приготовившія сотни тысячъ необходимыхъ предметовъ, изъ которыхъ главные находились въ Петербургѣ въ вѣдѣніи Государыни Наслѣдницы Цесаревны, Ея Высочества Александры Петровны, и въ Стрѣльнѣ

Е. В. Александры Иосифовны, въ Москвѣ же въ вѣдѣніи Дамскаго комитета, равно какъ и въ другихъ городахъ: Одессѣ, Кіевѣ и пр.

Душой и двигателемъ всѣхъ этихъ учрежденій была русская женщина, вложившая въ нихъ свое сердце, свои нравственные и физическія силы, и все свое существованіе связавшая въ это трудное для государства время съ общимъ его дѣломъ. Простыя женщины отдавали свои сбереженія въ видѣ кусковъ холста, прядей льна, хлѣба, копѣекъ, вырученныхъ отъ продажи сбереженій, молились съ теплою простой вѣрой за защитниковъ отечества и шли сидѣлками и работницами въ врачебныя учрежденія. Женщины, имѣвшія способности и силы подготовиться къ уходу за больными, посвятили себя всецѣло этому дѣлу и конечно много дорогихъ для страны силъ обязано своимъ спасеніемъ сердечному и умѣлому попеченію этихъ «середобольныхъ» сестеръ, забывавшихъ себя ради другихъ. Женщина высшаго круга и положенія заботливо сооружала средства, необходимыя для успѣховъ дѣла, устраивая подписки, базары и пр. Начиная отъ дворцовъ и кончая послѣдней лачугой, съ трона и подножій его до послѣднихъ ступенекъ общественной лѣстницы,—женщина явилась истиннымъ дѣятелемъ на поприщѣ попеченія о больныхъ и раненыхъ войнахъ!

ГЛАВА V.

На войнѣ.

Первыя военныя дѣйствія открылись на Дунаѣ, при переправѣ нашихъ войскъ чрезъ эту рѣку въ Турецкія владѣнія около Сисова и Браилова, и—лишь только раздался первый выстрѣлъ, огласившій оба берега многоводнаго въ то время Дуная, лишь показались первыя жертвы войны или вѣриже жертвы первыхъ битвъ, какъ немедленно охватило движеніе челоѣколюбія сердца всѣхъ, доселѣ жаждавшихъ принести свои силы, знанія и жизнь на алтарь отечества. Какъ бы электрическимъ толчкомъ мгновенно приведены въ дѣйствіе пружины «частной» помощи, подготавливаемой впрочемъ нѣкоторое время и съ нетерпѣніемъ ожидавшей этого толчка, чтобы обнаружить свою жизнедѣятельность и примѣнить силы свои къ дѣлу, которому обрекла себя служить. Немедленно тронулись и приступили къ работамъ одни за другими отряды сестеръ «Краснаго Креста», одна за другой общины спѣшили, напутствуемая милостивымъ благословеніемъ Высочайшей Покровительницы Общества Краснаго Креста, добрыми пожеланіями Ея Высочества Принцессы Ольденбургской и торжественными прощаніями русскаго народа, явившагося снабдить своею любовью тѣхъ, которыя ѣхали на помощь его дѣтямъ: усладить послѣднія минуты умирающихъ, облегчать страданія больныхъ и раненыхъ, обнадеживать выздоравливающихъ и вообще дать хорошій гуманный уходъ страдающимъ.

Сцены на деберкадерахъ желѣзныхъ дорогъ настолько бывали

проникнуты торжественностью момента, что дѣйствительно долго не забудутся и на долго останутся въ памяти слезы, орошавшія лица провожавшихъ,—энергію и надежду на челѣ отправлявшихся,—увѣренность тѣхъ и другихъ, что долгъ, принятый добровольно женщинами на себя, будетъ подъятъ ими и выполненъ, даже до смерти. Въ слѣдъ отъѣзжающимъ неслись благословенія, горячія мольбы объ успѣхахъ ихъ миссіи, теплыя чувства любви къ обрекающимъ себя на высокіе подвиги христіанской любви, полагающей за другихъ душу свою. Скрывались вагоны, исчезали вдаль поѣзды и съ ними уносились въ глубокую даль эти нерѣдко юныя и нѣжныя подвижницы, съ глубокой вѣрой въ свое призваніе, съ теплою надеждой на успѣшное выполненіе взятой на себя важной задачи, и съ чувствами искренней любви къ человѣчеству и отечеству. Исполнили-ли русская женщина надежды, которыя возлагались на нее русскимъ народомъ?...

По этому вопросу прежде всего—прежде разъясненія деталей и частныхъ самаго дѣла, считаю умѣстнымъ указать на многочисленные отзывы и свидѣтельства, данные о дѣятельности русской женщины на войнѣ на пользу раненыхъ и больныхъ и очевидцами, и лицами, осматривавшими госпитали по порученію Государыни Императрицы, и самими больными. «Нѣтъ выраженій, достаточно оцѣнивающихъ сестеръ милосердія въ особенности», заключаетъ свой отчетъ князь Барятинскій, по осмотрѣ госпиталей въ Румыніи. «Распространяться по этому предмету было бы повторять то, что говорить общій голосъ и вообще то, что отлично выражаютъ самыя теплыя чувства испытанныхъ на себѣ ихъ благотворное попеченіе.» Также точно сообщаетъ генераль Волковъ: «Я не нахожу словъ для надлежащей оцѣнки того, по истинѣ, Евангельскаго чувства и патріотическаго одушевленія, которымъ проникнутъ санитарный персоналъ въ дѣлѣ служенія раненымъ и больнымъ воинамъ». Мнѣнія компетентныхъ въ санитарномъ дѣлѣ лицъ, Главнаго Медицинскаго Инспектора Н. И. Козлова, Проф. Пирогова и др. какъ мнѣ пришлось не разъ выслушать,—также были высказаны въ пользу женскаго персонала, работавшаго въ учрежденіяхъ военно-врачебныхъ и «Краснаго Креста». Каждый изъ очевидцевъ, сообщавшихъ свѣдѣнія и извѣстія съ войны въ русскіе и иностранные органы печати, не преминулъ отозваться о дѣятельности женщины на войнѣ съ особой похвалою и отдать должную дань уваженія высокой «подвижницѣ и труженицѣ»,

какой, по ихъ словамъ, явилась русская женщина. Гг. Гирсъ, Градовскій, Демчинскій, Макъ-Гаханъ, Максимовъ, Немировичъ-Данченко, Утинъ, корреспондировавшіе въ разные органы русской печати, нерѣдко останавливали въ своихъ письмахъ общественное вниманіе на прекрасной и безупречной дѣятельности русской женщины. Ихъ отзывы проникнуты особымъ и глубокимъ чувствомъ уваженія къ самоотверженію и труду сестеръ милосердія и женщинъ-врачей. Но ради краткости позволю себѣ привести только нѣкоторые, болѣе полныя свидѣтельства, высказанныя очевидцами подъ свѣжими и общими впечатлѣніями. Сущность всѣхъ прочихъ тождественна съ помѣщаемыми ниже извлеченіями изъ напечатанныхъ писемъ съ войны.

«Всѣ, конечно,» говоритъ Утинъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Вѣстникъ Европы), «работали съ неутомимой энергіей, любовью, самоотверженіемъ, но все-таки на долю женщинъ выпало самое тяжкое дѣло. Женщина была душой госпиталя, она была и у кровати больного, она присутствовала во время ампутаціи, она перевязывала раненаго, она слѣдила за чистотой, она наблюдала, чтобы больной получалъ пищу, заглядывала въ котлы, заботясь, чтобы раненаго не отравили гнилью; всюду чувствовалось ея присутствіе, но за то она и не знала покоя ни днемъ, ни ночью. Нельзя себѣ представить ту громадную разницу, которая существовала между госпиталемъ съ сестрами милосердія и госпиталемъ, гдѣ ихъ не было. Стоило только войти въ любую палату, чтобы, не спрашивая, знать, есть тутъ сестры или нѣтъ. Тамъ, гдѣ были сестры милосердія, тамъ и воздухъ лучше и въ комнатахъ чисто и постельное бѣлье опрятно, тамъ, кажется, больные и раненые меньше страдаютъ. Нѣтъ сестеръ—все грязно и производитъ отталкивающее впечатлѣніе, тамъ больные и раненые представляютъ несравненно болѣе жалкій видъ. Во время войны, въ госпиталяхъ и баракахъ можно было убѣдиться, что въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ ничто не способно замѣнить женской руки. Мнѣ приходилось, само собой разумѣется, наблюдать дѣятельность сестры милосердія и въ сравнительно спокойное время, т. е. въ тѣ дни, когда ни откуда не доносился мучительный гулъ орудій, въ госпиталяхъ, не ожидавшихъ съ минуты на минуту подвоза новаго транспорта больныхъ и раненыхъ; случалось видѣть ее и въ тревожные дни, наканунѣ сраженій; на конецъ она прошла передъ моими глазами въ страшныя ночи, слѣдующія за битвой, когда десятки тысячъ раненыхъ превращаютъ перевязочные пункты въ нево-

«образимый адъ. И вездѣ во всѣхъ случаяхъ сестра милосердія всегда осталась вѣрна себѣ». «Казалось-бы», замѣчаетъ г. Утинъ «опытъ послѣдней войны въ дѣлѣ медицинской женской дѣятельности, такъ блистательно доказавшій, какія важныя услуги могутъ оказывать женщины въ этомъ направленіи, долженъ былъ-бы устранить всякія попятныя къ стѣсненію женской дѣятельности. Между тѣмъ стоило-бы лишь разузнать поближе, какъ вели себя всѣ эти молодыя дѣвушки и женщины, которыя явились на театръ войны, какъ вели онѣ себя въ смыслѣ «направленія»... Если бы было произведено такое изслѣдованіе, то нѣтъ никакого сомнѣнія, оно дало-бы самыя великолѣпныя результаты въ пользу поведенія и всей дѣятельности сестеръ милосердія. Не разъ, конечно о нихъ заходила бесѣда и вездѣ и всегда приходилось выслушивать одинаково хвалебныя отзывы».

«Я каюсь, говорилъ мнѣ одинъ изъ уполномоченныхъ «Краснаго Креста», я былъ до этой войны заклятымъ врагомъ всѣхъ этихъ женскихъ курсовъ, всѣхъ женскихъ университетовъ; мнѣ казалось, что все это стремленіе къ высшему образованію прикрываетъ собой только стремленіе къ синимъ очкамъ, да къ стриженнымъ волосамъ, и что всѣ подобныя учрежденія являются только разсадниками распущенности нравовъ. Но теперь когда я увидѣлъ на дѣлѣ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, этихъ студентокъ, я совершенно измѣнилъ свой взглядъ и отношусь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Я знаю теперь, что онѣ горячо любятъ Россію, потому что, не любя, онѣ не могли-бы работать такъ, какъ онѣ работаютъ».

Другой очевидецъ посвящаетъ отдѣльное письмо подвигамъ русской женщины на войнѣ.

«День сестры милосердія начинался очень рано», пишетъ г. Немировичъ-Данченко. «Еще все спитъ кругомъ, а дежурная сестра уже поднимаетъ своихъ подругъ, проситъ помочь ей — одной не справиться съ больными. Въ госпитальныхъ шатрахъ—смердь и духота. Тускло мерцаютъ въ душномъ воздухѣ свѣчи и лампы. Раненые не знаютъ покоя. Стоны слышатся повсюду. Въ разныхъ мѣстахъ—зовутъ сестру. Нужно перевернуть больного, поправить ему подушку, покрыть его одеяломъ».

Требуется при этомъ исправлять и самую черную работу, потому что больничная прислуга еще спитъ; она такъ умаялась за день, что ее не разбудишь громами небесными. Забывая прежнія привычки,

подавляя отвращеніе къ неопрятному дѣлу, сестры служатъ больнымъ и ночью. Поработавъ наканунѣ до поздняго вечера, удалось наконецъ имъ отдохнуть, но не надолго: еще далеко до свѣту, а ихъ уже будятъ идти въ палату. У многихъ раненыхъ сошли перевязки, грѣй воду—отмывай корпію, накладывай опять бинты; другимъ нужно лекарство, у третьяго отъ крови, проступившей насквозь,—заскорузло и коробится бѣлье, надо перемѣнить, самъ раненый не въ силахъ этого сдѣлать. Раненые въ голову страдаютъ сильнѣе другихъ; они ничего не сознаютъ, имъ приходится силою разжимать зубы и вливать лекарства. За ночь у многихъ простыни испорчены—нужно очистить воздухъ, смѣнить постельное бѣлье. Словомъ, работы, пока настанетъ утро, по горло.

Наконецъ являются врачи, но съ ихъ появленіемъ сестрамъ не легче. Сестра, сдѣлайте то и то, поддержите больного... Сестра, принесите гигроскопической ваты, подайте шину... Гдѣ лубки? Сестра дайте воды... и т. д. Бѣдняжки сбиваются съ ногъ. Начинаются перевязки, причемъ большинство больныхъ попадаютъ, къ великомъ ихъ удовольствію, опять-таки въ руки сестеръ. Женскія руки на это мягче и лучше. Каждый вершокъ бинта снимается тщательно и осторожно, всякое мѣсто, пропитанное запекшеюся кровью, отмачивается; корпія снимается медленно, чуть ли не нитка за ниткой, чтобы не потревожить свѣжей раны. Промыть ее и перевязать вновь—уже болѣе легкое дѣло. Но ранѣе этого нужно приучиться преодолевать и стыдливость, и брезгливость, когда видъ иныхъ зіяющихъ ранъ доводитъ мужчинъ до дурноты. На долю же сестеръ выпадали болѣе тяжелыя перевязки. Каждое прикосновеніе къ живому мѣсту крайне болѣзненно для больного: нужно все это сдѣлать возможно нечувствительно для него и въ тоже время скоро, такъ какъ еще сотни больныхъ ждутъ своей очереди.

Количество больныхъ, выпадавшее на долю сестеръ, иногда было невѣроятно. Въ Зимницѣ и во Фратешти случалось въ одинъ день сестрѣ перевязать сто и полтораста раненыхъ. Во время августовскихъ битвъ на Шипкѣ черезъ руки четырехъ сестеръ: Софьи Александровны Энгельгардъ, Ольги Николаевны Юханцевой, Александры Александровны Тепляковой и жены извѣстнаго шипкинскаго героя генерала Духонина, въ самое короткое время прошло около 3,000 раненыхъ. Въ битвѣ 12-го Октября, у Иванъ-Чифтлика на Ломѣ, шесть сестеръ на самомъ полѣ сраженія, подъ огнемъ, справились

съ пятьюстами раненыхъ. Подъ Плевною на руки ихъ досталось еще больше раненыхъ. Въ одной палаткѣ боготскаго госпиталя лежали гангренозные, обреченные на смерть. Для нихъ не было даже случайности. Они должны были умереть. Двѣ сестры: старушка Чернявская и ея молодая племянница чуть не дни и ночи проводили въ зараженномъ воздухѣ этого шатра, облегчая несчастнымъ переходъ въ иную жизнь и рискуя своимъ здоровьемъ. Въ гнѣздѣ тифа подѣ Филиппополемъ, гдѣ войти въ отдѣленіе тифозныхъ—значило обречь себя на зараженіе,—три сестры милосердія день и ночь ухаживали за больными—и это не исключеніе, такъ служили всѣ онѣ!.. Одна сестра между припадками лихорадки служила неотступно больнымъ и даже во время припадковъ, когда была нужда, ходила въ госпиталь и, какъ могла, помогала больнымъ. Она и умерла въ шатрѣ у больныхъ, какъ солдатъ на своемъ посту. Во Фратештахъ одна сестра милосердія, въ самое глухое осеннее время, когда кругомъ была грязь невылазная, когда нога по колѣно тонула въ слякоти, отдала больному свои сапоги — и осталась сама въ старыхъ и ободранныхъ башмакахъ. На другой день ей пришлось ходить босикомъ. Въ Габровѣ, во время шипкинскаго боя, когда не хватило полотна для бинтовъ и перевязокъ, сестры милосердія отдали свое бѣлье, свои платья. Многія изъ нихъ отдавали также и свое жалованье, свой чай, свою пищу. Такими же кроткими, дѣятельными, сострадательными, сестры милосердія появлялись и въ огнѣ, спокойно дѣлая свое дѣло, когда кругомъ свистѣли пули и смерть царилла невозбранно, сжимая страхомъ самыя мужественныя сердца... Сестры не убоялись зимней стужи Балканъ и въ Декабрѣ, вслѣдъ за Скобелевскимъ отрядомъ, перевалили Балканы и на другой день, послѣ появленія отряда въ Казанлыкъ, уже устроились въ женскомъ монастырѣ, гдѣ тотчасъ же и начали свою работу, въ которой была настоятельная нужда.

Врачи производятъ операцію раненому: присутствіе и помощь сестеръ оказываются и здѣсь необходимыми. Онѣ подаютъ врачамъ то вату, то хлороформъ, то шины, то перевязки. Кончится операція—нужно напоить и накормить больныхъ. Сестра милосердія не позволитъ больничной прислугѣ замѣнить ее въ этомъ случаѣ. Она сама накормитъ ихъ, какъ и вообще всѣхъ тяжело раненыхъ, которые не могутъ поднять голову или не въ состояніи шевельнуть рукою. И все это совершается тихо, спокойно, нѣжно; въ голосѣ, несмотря на усталъ, звучать привѣтъ и ласка, такъ обаятельно дѣй-

ствующія на больного. Сестры съ каждою новою трудностью проявляли и новую энергію. Во время самой отталкивающей черной работы при больномъ въ ихъ словахъ слышалось то же кроткое утѣшеніе и никогда нисколько искры раздражительности. Отсюда понятна та любовь, которою онѣ пользовались у солдатъ, понятны и тѣ слезы, съ которыми раненые, уѣзжая, оставляли сестеръ. Нужно вообще замѣтить, что сестры съ гораздо большою охотою служили солдатамъ. Различныя повѣтствованія, бросающія тѣни на нравственную чистоту этихъ труженицъ, ни болѣе ни менѣе какъ недостойныя сплетни, сочиненныя праздными и пустыми людьми.—Вотъ еще примѣръ высокаго самоотверженія сестеръ милосердія. Сестра Васильева заболѣла тифомъ, потому, что отдала больнымъ все теплое платье, которое у нея было, чтобы покрыть ихъ и въ заключеніе имъ же принесла свое одѣяло. Черезъ первые два дня она слегла, а черезъ двѣ недѣли—тѣло этой страдальцы опустили въ безвременную могилу. Стоялъ сѣрый и ненастный день. Рѣзкій вѣтеръ пронималъ до костей и сестра, провожавшая Васильеву въ могилу, дрожала надъ нею въ лихорадкѣ... «Вамъ бы побережись?» замѣтили ей. — «Гдѣ тутъ бережись, когда вчера еще сто восемьдесятъ тифозныхъ прибыло... Кто за ними ходить станетъ?»...

Сестры успѣвали шить болѣе изъ пожертвованнаго холста, а въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ, гдѣ трудно было нанять прачекъ для мытья больничнаго бѣлья, сестры милосердія сами исполняли это, Богъ уже знаетъ, когда находили время. А какими неудобствами и лишеніями были окружены сестры, въ особенности въ первое время войны, на примѣръ, во Фратешти нѣкоторое время сестры жили на открытомъ воздухѣ въ грязи: ни постелей, ничего не было. Впослѣдствіи все это измѣнилось, благодаря заботливости общества «Краснаго Креста». Между сестрами милосердія было много изъ очень хорошаго общества. Онѣ работали также усердно, какъ и всѣ, убивали себя надъ трудомъ и наравнѣ съ другими ложились въ раннія могилы. А какимъ свѣтомъ появленіе сестры озаряло скудную и тяжкую жизнь больного! Сколько утѣшенія и любви вносила она съ собою въ больничныя палаты! Безъ нихъ, безъ этихъ голубокъ, какъ называли ихъ солдаты, безъ этихъ чистыхъ и геройскихъ душъ скверно пришлось бы иногда солдату.

Когда Габрово было въ опасности, когда Сулейманъ-паша могъ еще прерваться туда, когда всѣ готовы были бросить городъ, сестры

милосердіи рѣшились остаться. Напрасно имъ говорили объ ужасахъ, которые ихъ ждутъ, напрасно убѣждали ихъ отправиться куда-нибудь въ болѣе безопасное мѣсто. Онѣ спрашивали въ отвѣтъ.

— Успѣютъ-ли перевести всѣхъ больныхъ?

— Нѣтъ, не успѣютъ.

— Ну такъ наше мѣсто тамъ, гдѣ они. И толковать нечего!

И онѣ остались вѣрныя своему долгу.

Чисто и возвышенно несли свою службу сестры, смягчая муку умирающаго солдата, ухаживая какъ мать за выздоравливающимъ. Онѣ ничего не могли ждать за свой подвигъ, кромѣ пораженія гангренѣй, больничнаго тифа, гнилой горячки. Этотъ терновый вѣнецъ онѣ принимали безропотно и, кончая мученичествомъ свою подвижническую жизнь, уходили въ могилы, никому неизвѣстныя, нигдѣ неоплаканныя.

Въ письмахъ борцевъ за славянскую свободу также найдемъ не мало строкъ и страницъ, полныхъ самаго глубокаго уваженія этимъ достойнѣйшимъ труженицамъ. Сохранились и рассказы самихъ больныхъ и раненыхъ. Изъ множества сообщеній ограничимся двумя, переданными людьми простыми, которые сами испытали на себѣ всю плодотворность помощи и ухода русской женщины. Одно изъ нихъ характеризуетъ эту помощь во время самое трудное на войнѣ, другое же выражаетъ и ту дѣятельность женщины, которую она несла въ Россіи.

Вотъ одинъ изъ тысячи, можетъ быть, случаевъ. Это рассказъ рядоваго, раненаго подѣ Филиппополемъ, записанный съ его словъ: «Тяжело мнѣ стало на душѣ, когда послѣ стычки, раненый въ бокъ, лежалъ я посреди множества подобныхъ себѣ: увидя вблизи кусты, я кое-какъ доползъ до нихъ и густою листвою закрылъ себя отъ палящихъ солнечныхъ лучей... Только слышу невдалекѣ голоса нашихъ, пришедшихъ собирать павшихъ... Собравши всѣ свои силы, я поднялся и закричалъ имъ о помощи: но что мой голосъ среди столькихъ стоновъ и такого говора! И я вскорѣ пришелъ въ ужасное положеніе: забравшіе раненыхъ ушли, и мнѣ грозило дожидаться въ такомъ состояніи до втораго, а можетъ быть до 3, 4 ихъ прихода!.. Кровь струями сочилась изъ раны, и давно уже сапоги мои были полны крови, шинель представляла губку, насыщенную одною кровью... Я уже ничего не чувствовалъ... Только открываю глаза и вижу одну изъ находившихся у насъ сестеръ милосердія...

Какъ она бѣдная старалась поднять меня на ноги—вѣдь одна, среди обширной равнины, покрытой трупами! Собравши послѣднія силы, я поднялся на правый локоть, но въ это время, къ ужасу моей сестры, новый потокъ крови обнаружилъ ей, что я буквально плаваю въ этой жидкости... Къ довершенію всего пошелъ дождь.— «Сестра! Снимите сапоги и шинель», произнесъ я, не сообразивъ, что мнѣ не въ чемъ будетъ дойти до стоянки, такъ какъ сестра, будучи въ одномъ своемъ пальто и башмакахъ, не могла ничего мнѣ одолжить... Но не даромъ она называлась между нами Добровскою.. Съ большими усилиями помоги мнѣ подняться, она стянула прилипшую шинель, перевязала рану и, не могу вспомнить этого безъ волненія, скинувши свое пальто, кое-какъ меня имъ прикрыла, такъ что я, такимъ образомъ освѣжившись, свободно помогъ ей снять съ меня сапоги: но наотрѣзъ отказался надѣть ея башмаки, которые она мнѣ предлагала... Между тѣмъ, дождь шелъ и ей грозила опасность схватить лихорадку, столь ужасную въ тѣхъ краяхъ. И что же? Она не дрогнула, взявши мою шинель, набросила ее на себя... Въ такомъ видѣ предстали мы въ стоянку, гдѣ я былъ помещенъ въ лазаретъ и скоро выздоровѣлъ... Но выздоровѣлъ для того, чтобы узнать, что сестра Добровская Богу душу отдала...» При этихъ словахъ благодарный служивый не могъ удержаться отъ слезъ, произнесъ только: «Вѣчная память тебѣ, добрая сестра...»

Добрые подвиги русскихъ женщинъ вызывали и коллективное «солдатское спасибо», какъ можно видѣть изъ слѣдующаго извлеченія письма 73-хъ нижнихъ чиновъ дѣйствующей арміи, находившихся на излеченіи въ госпиталѣ «Краснаго Креста», на станціи Марьино курско-харьковской желѣзной дороги.

«Наконецъ высадили насъ на станціи Марьино. Не видно ни деревни, ни города. Куда же насъ? спрашиваемъ сестрицъ. «Въ госпиталѣ; вонъ онъ видѣнъ», указываютъ на паровозный сарай. Э, думаемъ, кажись, не того... Ну, да Богъ милостивъ, авось и ладно будетъ. Подходимъ къ этому самому сараю; повыскакивали сестры, санитары и такъ радуются, будто родныхъ встрѣчаютъ: кто послабѣе, тѣхъ подъ руки берутъ: «голубчики, вы устали, идите, переодѣвайтесь, да чайку съ булочкой попьете». Пуще же всѣхъ хлопотала одна: къ тому подбѣжить, покажетъ санитару, чтобы получше да поосторожнѣе велъ, у другого вещи возьметъ, говоря: «вамъ тяжело, голубчикъ», къ третьему «вы закройте шею, простудитесь». И, Боже

ты нашъ, думаемъ, что за человѣкъ такой добрый! Кто она такая? По одѣянію, барышня; такъ, нѣтъ, значить, не подходящее дѣло такъ барышнѣ. Вотъ мы и въ самомъ... Боже ты нашъ, что за оказія? Снаружи паровозный сарай, а внутри — стѣны выбѣлены, выкрашены, какъ въ господскомъ дому; на полу, что на столѣ: ни пылинки, ни соринки, а койки то, какъ поубраны: бѣлье тонкое пребѣлое, столы подъ салфетками, на столахъ посуда такъ и горитъ: тамъ и сямъ въ кружкахъ цвѣты. Вотъ гдѣ рай... боязно и на койку присѣсть, точно не для нашего брата приготовлена. Глядимъ, бѣжить та самая Ольга Ивановна (такъ называли другія сестры ту, которая больше всѣхъ хлопотала). «Вотъ, мои дружечки, бѣлье переодѣвайте, сейчасъ чаекъ вамъ принесемъ». Когда она, значить, это сказала, сейчасъ всѣ принялись переодѣваться и здѣсь не вытерпѣла; одному тесемочку завязеть, тому рукавъ пособить натянуть. Тутъ и чай принесли; что за человѣкъ божій, опять таки, эта Ольга Ивановна! всякому хотеть сама поднести. Дай, тебѣ, Господи, мать ты наша, всего, что ты у Бога просишь. Много мы поздоровѣли, повеселѣли мы въ Марьинскомъ госпиталѣ, а все чрезъ тебя, наша добрая сестрица. Придетъ это: «не хотеть ли кто чего? можетъ, письмо написать или что другое, все пріятно мнѣ сдѣлать для васъ». Знамо, у кого жена, дѣтки, али родители въ живыхъ, а какъ пошелъ съ мѣста не писалъ, ну и скажетъ... Гдѣ ни возьмется бумага и всякій приборъ для этого дѣла. Пять минутъ, и письмо готово. Попросишь прочитать — читаетъ, заслушаешься и слеза проймаешь... Да, что и говорить, что душенька не пожелаетъ, сама не съѣстъ, все тебѣ отдастъ: вина, пива, кофе и варенья. Другіе сердечные тяжко слабы, извѣстно послѣ войны, такъ около нихъ дни и ночи просиживаетъ: то добрымъ словомъ потѣшить, то подушку лучше подложить, а то мухъ отгонять. Одинъ солдатикъ умеръ въ самую позднюю ночь; она не отходила отъ него, и онъ скончался на ея рукахъ. Придетъ, сядетъ около тебя, да такъ посмотреть, такъ и хочется заплакать, подъ сердце что-то подстунить; подумаешь, гдѣ такая добрая барышня росла, что не токмо не брезгаетъ нашимъ братомъ, а убивается за насъ. Добрая ты наша сестрица, Ольга Ивановна, наше солдатское тебѣ спасибо! Спасибо доктору, фельдшерамъ и сестрамъ также спасибо!»

Можно бы еще собрать полные томы записокъ, рассказовъ и сообщеній о подвигахъ русской женщины на войнѣ. Во всѣхъ доселѣ

мало по малу печатаемыхъ письмахъ и воспоминаніяхъ довольно страницъ посвящено описанію трудовъ русской женщины, исполненному чувствами полной и глубокой признательности къ этимъ сѣрдобольнымъ добровольцамъ. Отзывы врачей не стоятъ въ несогласіи съ приведенными, но отзывы врачей, какъ лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ, найдутъ въ очеркѣ принадлежащее себѣ мѣсто. Мнѣ самому, имѣвшему случай видѣть большинство военно-временныхъ госпиталей и лазаретовъ на дунайскомъ театрѣ войны и не только осматривать, но и углубляться въ тѣ или другія наблюденія относительно положенія всего госпитального дѣла, не одинъ разъ пришлось подъ свѣжими впечатлѣніями сообщать о дѣйствительно превосходившей всякую мѣру похвалы дѣятельности русской женщины. Напомню здѣсь только общій выводъ, сдѣланный въ то время, когда работа сестеръ и вообще всего санитарнаго персонала была не посильна. «Вездѣ сестры и врачи — женщины достойно несли свои гуманитарныя обязанности и настоль содѣйствовали успѣхамъ дѣла, что невозможно говорить иначе. Въ Піятрѣ, Бѣлѣ, Горномъ Студенѣ, Боготѣ, Трновѣ, Габровѣ, Фратешти и др. труды сестеръ изумительны. Притомъ эти труды шли не въ виду отличій и наградъ. «Награда наша одна, высказывались трудящіяся, — наше дѣло. Было бы хорошо нашимъ больнымъ.» «Какихъ еще отличій намъ надо, кромѣ «Креста», когда мы добровольно несемъ свой крестъ и обязанности?» И надо было видѣть молодыхъ женщинъ, переносившихъ всякія лишенія и чрезмѣрные труды, чтобы уразумѣть болѣе высокіе нравственные стимулы для ихъ до самоотверженія дѣятельности, именно: любовь къ страждущему человѣчеству и долгъ къ своему отечеству. И такъ русская женщина выступила въ полномъ блескѣ ея гуманныхъ чувствъ въ такое трудное время для Россіи. Имя русской женщины высоко стоитъ теперь въ ея доблестныхъ подвигахъ на поприщѣ любви къ человѣчеству, въ сознаніи своихъ гражданскихъ обязанностей и мужественнаго перенесенія труда и опасностей. Да! Русская женщина исполнила свой гражданскій долгъ на войнѣ достойно и честно!»

Это заключеніе позволили вывести мнѣ многочисленныя наблюденія въ врачебныхъ учрежденіяхъ и высказано оно было въ началѣ прошлаго года, когда много уже пришлось потрудиться русской женщинѣ. И затѣмъ еще долго суждено было ей нести многотрудныя обязанности по уходу уже за больными и при томъ не въ лучшихъ условіяхъ санитарнаго дѣла.

Всѣ вышеизложенные отзывы относятся вообще ко всей дѣятельности русской женщины на войнѣ, и даны подъ живыми впечатлѣніями. Всѣ они составляютъ цѣлый дифирамбъ русской женщинѣ, явившейся на войну въ званіи женщины-врача, сестры милосердія и фельдшерицы. Но для составленія болѣе точнаго и вѣрнаго понятія о дѣятельности женщины и для большого разъясненія необходимости или неумѣстности женской помощи на войнѣ, равно какъ и самыхъ основаній, на которыхъ можетъ быть поставлено дѣло въ будущемъ, необходимо разсмотрѣть подробно и въ частности: какіе же труды понесла женщина на войнѣ, гдѣ сосредоточивались, ея бывшія занятія и на сколько ею выполнены тѣ или другія возложенныя на нее обязанности...

Сестры милосердія и сестры «Краснаго Креста», какъ это уже указано, разсыпались, такъ сказать, по всѣмъ мѣстностямъ театра военныхъ дѣйствій и приспособились ко всѣмъ отраслямъ врачебнаго дѣла. Ихъ занятія понадобились и на санитарныхъ поѣздахъ и въ эвакуаціонныхъ баракахъ и военновременныхъ госпиталяхъ за-границей и въ постоянныхъ больницахъ внутри Россіи, и наконецъ въ первыхъ линіяхъ въ дивизионныхъ лазаретахъ, даже на перевязочныхъ пунктахъ. Вездѣ, гдѣ только требовался уходъ за ранеными и больными, вездѣ, гдѣ необходимо было доставить его больнымъ и раненымъ, — являлась сестра милосердія и красный крестъ, вышитый на ея груди, сопутствовалъ ей, при исполненіи обязанностей тѣмъ болѣе трудныхъ, что неравномѣрное иногда накопленіе больныхъ ложилось неравномѣрнымъ трудомъ на персоналъ, попеченію котораго ввѣрялись раненые и больные войны. И такъ дѣятельность ея хотя по своей цѣли и казалась не сложной, но по видамъ проявленія представлялась чрезвычайно разнообразной. Хотя въ каждомъ имѣлись всѣ условія самоотверженнаго труда, но тѣмъ не менѣе одни занятія отличались отъ другихъ; въ однихъ трудности крылись въ самомъ исполненіи, въ другихъ во внѣшнихъ условіяхъ, наконецъ въ третьихъ тѣ и другія условія соединялись, что бы усугубить трудность положенія и самой дѣятельности. Перейдемъ къ разсмотрѣнію самыхъ деталей и условій ихъ дѣла.

ГЛАВА VI.

На санитарныхъ поѣздахъ и эвакуаціонныхъ пунктахъ.

Уже извѣстно, что въ минувшую кампанію у насъ была примѣнена въ широкихъ размѣрахъ система разсѣванія больныхъ или какъ у насъ писалось и говорилось: эвакуація больныхъ и раненыхъ, состоящая въ томъ, что бы не оставлять больныхъ и раненыхъ близъ поля битвы, не скучивать ихъ въ одномъ мѣстѣ—въ военно-временныхъ госпиталяхъ, напротивъ развозить ихъ по разнымъ мѣстамъ внутри Россіи. Понятно, что эта система требовала достаточныхъ и лучшихъ способовъ передвиженія и перевозки больныхъ и раненыхъ, перевозочныхъ средствъ и наконецъ соблюденія всѣхъ благопріятныхъ для такого передвиженія условій. Для передвиженія больныхъ и раненыхъ мы имѣли специально-санитарные или подготовленные специально для больныхъ поѣзды, затѣмъ военно-санитарные, и просто воинскіе поѣзды, притомъ поѣзды, перевозившіе больныхъ по русскимъ, по румынскимъ и подъ конецъ по турецкимъ желѣзнымъ дорогамъ. Число санитарныхъ поѣздовъ въ началѣ было 14, но съ теченіемъ времени оно возросло до 23.

Не входя въ подробности о преимуществахъ тѣхъ или другихъ, мы коснемся этого дѣла настолько, насколько необходимо для выясненія роли и дѣятельности сестеръ на всѣхъ этихъ поѣздахъ. Русская женщина явилась на нѣкоторыхъ поѣздахъ въ званіи помощницы, какъ-то: княгиня С. П. Долгорукова, г-жи Л. Н. Соловьева, А. М. Бибилова. Но главнымъ образомъ дѣятельность

женщины сказались въ уходѣ за перевозимыми больными, который лежалъ на ней, какъ на сестрѣ милосердія, назначенной къ служенію на томъ или другомъ поѣздѣ.

Впрочемъ по преимуществу снабжены были постоянными сестрами специально-санитарные поѣзды; на каждомъ изъ нихъ работала отдѣльная небольшая группа сестеръ, подѣ наблюденіемъ старшей сестры, и работы этой группы состояли главнымъ образомъ въ наблюденіи и уходѣ за перевозимыми больными и ранеными во время ихъ пути. Эти группы сестеръ большею частью состояли изъ 8 младшихъ и одной старшей, почти исключительно сестеръ «Краснаго Креста». На нѣкоторыхъ поѣздахъ находилось и болѣе означеннаго числа. Но въ послѣдствіи число сестеръ на поѣздахъ нѣсколько уменьшено. На воинскихъ поѣздахъ не было постоянныхъ сестеръ милосердія; для сопровожденія больныхъ на нихъ командировались (2, 3, и 4) сестры «Краснаго Креста», находившіяся на эвакуаціонныхъ пунктахъ, на каждый транспортъ, иногда въ нѣсколько сотъ больныхъ и раненыхъ. Число всѣхъ сестеръ, занимавшихся сопровожденіемъ больныхъ и уходомъ за ними въ пути, простиралось до 150 человекъ.

На женщинахъ лежали обязанности присмотра за приспособленіями для положенія больного, за чистотой его бѣлья и платья, за своевременной перевязкой раненыхъ, выдачей лекарствъ, за доброкачественностью и своевременностью пищи и питья, вообще весь физическій и нравственный уходъ за больными и ранеными по предписаніямъ и подѣ наблюденіемъ врачей, состоящихъ при санитарныхъ поѣздахъ. Понятно очень, что все это легко говорится; но дѣлается не такъ-то. Довольно представить себѣ эту движущуюся больницу или санитарный поѣздъ, наполненную сотнями тремя и болѣе трудныхъ, иногда заразныхъ, больныхъ, или тяжело раненыхъ, къ неудобствамъ которыхъ вслѣдствіе болѣзни или раненія присоединяются еще неудобства положенія при движеніи, какъ бы это послѣднее ни было обставлено тѣми или другими приспособленіями, — довольно, говоримъ, представить себѣ эту движущуюся больницу, которая наполнена жалобами, стопами, вообще всѣми ужасами войны, чтобы нѣсколько уразумѣть душевное настроеніе женщинъ, посвятившихъ себя уходу за перевозимыми больными и ранеными, ихъ труды по уходу и успокоенію несчастныхъ и съ должною справедливостью отнести къ ихъ подвигамъ! Приходилось

встрѣчать не разъ этихъ труженицъ на своемъ посту... Еще на тѣхъ специально-санитарныхъ поѣздахъ, гдѣ все болѣе или менѣе было приспособлено, гдѣ помѣщеніе и переходы изъ вагона въ вагонъ отличались наибольшими удобствами, труды сестеръ ограничивались занятіями по уходу за больными, не было по крайней мѣрѣ еще лишнихъ неудобствъ. Но уже иное наблюдалось въ другихъ поѣздахъ военно-санитарныхъ, приспособленныхъ и особенно въ нѣкоторыхъ воинскихъ поѣздахъ. Многіе изъ послѣднихъ совсѣмъ не были приспособлены; такъ что ухаживающимъ приходилось перелѣзать изъ вагона въ вагонъ, карабкаться въ вагоны и на колѣняхъ исполнять свои обязанности, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ больные располагались на полу вагона. При этомъ нельзя забыть объ удобствахъ постоянного нахожденія въ пути по цѣлымъ недѣлямъ...

Въ Кишиневѣ, Унгенахъ, Жмеринкѣ и другихъ мѣстахъ встрѣчали мы этихъ труженицъ-сестеръ „Краснаго Креста“ Свято-Троицкой группы, командированныхъ для сопровожденія больныхъ изъ Яссы и встрѣчали поздней осенью и въ зимнее время. Сколько надо было терпѣнія, силъ и энергіи! Привыкнуть надо было къ такимъ поѣздамъ. Припоминаются нѣкоторыя изъ сестеръ, поѣхавшія съ одной изъ группъ сестеръ въ Румынію, на долю которыхъ также выпало сопровожденіе больныхъ. Оказывалось, что онѣ по-очередно должны сопровождать поѣзды, на которыхъ не было постоянныхъ сестеръ. «И который уже разъ ѣдимъ», говорила одна изъ нихъ, «обтерпѣлись». «Сначала, конечно, было трудно и очень трудно. Сердце переболитъ бывало, всего боишься... Каждая жалоба раненаго, каждый стонъ волновали до того, что не знаешь что дѣлать... Бѣжишь къ доктору; сама-то еще не знаешь, что сдѣлать, какъ успокоить... Мука была и пытка!.. Куда уже о снѣ помнить?... Такъ всю ночь на пролетъ не сомкнешь глазъ... Утромъ же раннимъ денная работа,—понять чаемъ, кормить, хлопотать съ перевязкой и такъ далѣе... Мало по малу попривыкли, узнали лучше, какъ обойтись въ случаяхъ нетерпящихъ, и съ Божіей помощью умѣнье это далось, такъ что на сколько хватаетъ силъ, помогаемъ нашимъ докторамъ».

— «Который же вы день въ пути?»

— «Третій день въ дорогѣ. Надоѣдаетъ ужасно, особенно если долго стоять на станціи. Впрочемъ и это къ лучшему,—все-таки свободнѣе осмотрѣть больныхъ и сдѣлать, что нужно каждому; тогда

какъ на ходу на самомъ дѣлѣ весьма затруднительно. Вотъ особенно неладно, какъ приходится лазить изъ вагона въ вагонъ».

Конечно въ то время удавалось обращаться съ вопросами и къ больнымъ, и къ врачамъ и отъ тѣхъ, и отъ другихъ получались самые благопріятные отзывы о дѣятельности, вниманіи и самоотверженіи этихъ добрыхъ «сестрицъ», какъ называли ихъ обыкновенно солдаты.

«Этакой доброты, кажись и не увидишь», говорилъ одинъ изъ послѣднихъ, «не дадутъ заикнуться, сейчасъ уже и готово». Врачи, сопровождавшіе поѣзды, также относились съ похвалою къ сестрамъ, служившимъ имъ хорошими и усердными помощниками. «Хлопотливы, правда; чутки до невѣроятности къ тому, чтобы больные пользовались всѣми возможными удобствами; но все-таки съ ними много лучше и надежнѣе». Это—общій отзывъ врачей, трудившихся на поѣздахъ. И дѣйствительно вездѣ, гдѣ можно было наблюдать наибольшую чистоту,—прошла женская, заботливая и умѣлая рука.

По Румыніи двигались поѣзды заграничные, приспособленные за границей, и на всѣхъ ихъ находились сестры Благовѣщенской общины находившейся подъ наблюденіемъ г-жи Сабининой. Распредѣленіе занятій сестеръ зависѣло отъ старшей сестры.

Дѣло ихъ не отличалось отъ другихъ сестеръ, которыя несли обязанности по уходу за больными на другихъ санитарныхъ поѣздахъ. Занятія ихъ заключались въ сопровожденіи больныхъ и въ уходѣ за ними дорогой. Говорить о томъ, что сестры и здѣсь исполняли обязанности свои добросовѣстно,—значить повторяться. Работа и здѣсь шла дружно и успѣшно.

Нѣкоторыя сестры сопровождали транспорты раненыхъ и больныхъ и не по желѣзнымъ дорогамъ. Не разъ случалось по дорогѣ отъ Зимницы до Фратешти встрѣчать огромные транспорты раненыхъ, особенно въ Сентябрь и Октябрь, въ которыхъ между сопровождающимъ персоналомъ были и сестры милосердія, исполнявшія свое дѣло,—дѣло ухода за больными во время передвиженія транспортовъ. Нужно-ли говорить о томъ, сколько труда должны были понести сопровождавшія больныхъ и какія неудобства привелось имъ испытать во время сырой и холодной осени, при недостаточности пріемныхъ и питательныхъ пунктовъ на дорогѣ, и неудобствахъ транспортныхъ средствъ? Едва-ли! Каждый легко себѣ представить, припомнивъ все, что сообщалось въ свое время о перевозкѣ больныхъ по грунтовымъ дорогамъ Болгаріи и Румыніи!...

Наконецъ, когда масса больныхъ перевозилась моремъ, когда морская транспортировка шла въ обширныхъ размѣрахъ, на пароходы для сопровожденія больныхъ и для ухода за ними, особенно трудными и слабыми, командировались вмѣстѣ съ врачами и сестры милосердія. Трудовъ и опасностей и здѣсь было не мало... Последнія шли уже отъ самихъ больныхъ, среди которыхъ перевозилось много тифозныхъ и съ другими заразными болѣзнями; трудности-же отъ постоянной работы и самаго непривычнаго пути, который разслабляетъ нерѣдко сильныхъ и здоровыхъ субъектовъ.

И такъ русская женщина исполняла обязанности сестры, сопровождавшей больныхъ на поѣздахъ, въ транспортахъ и на пароходахъ. Каждый изъ этихъ родовъ службы сопряженъ былъ со многими трудностями и даже опасностями; но, не смотря на все это, русская женщина и здѣсь внесла свой трудъ, приложила свое сердце, и—не безъ успѣха!.. Полезность сестеръ милосердія и приложимость женскаго труда на санитарныхъ поѣздахъ выяснились прошлымъ опытомъ на столько, что должно признать весьма желательнымъ присутствіе женщины на санитарныхъ поѣздахъ въ качествѣ сестеръ милосердія, фельдшерницъ и врачей.

Теперь объ эвакуаціонныхъ пунктахъ... Яссы... Фратешти... Александрополь... Кому изъ русскихъ людей не знакомы съ минувшей турецкой войны эти пункты? Ясскій эвакуаціонный баракъ и эвакуаціонные госпитали въ другихъ пунктахъ сдѣлались своего рода «извѣстностью» особенно въ началѣ кампаніи, когда дѣло эвакуаціи не получило еще широкой и правильной организаціи и когда эти важные пункты представляли довольно много серьезныхъ неудобствъ... О чинахъ же военныхъ, которыхъ непріятельская пуля или болѣзнь сдѣлали неспособными къ дальнѣйшему боевому походу и заставили возвратиться въ предѣлы отечества для поправленія здоровья, и говорить нечего. Едвали кто изъ нихъ миновалъ эвакуаціонные пункты; такъ какъ въ прошлую войну у насъ для призрѣнія больныхъ и раненыхъ была принята система эвакуаціи и разсѣянія ихъ по разнымъ мѣстамъ Россіи. Больные и раненые съ театровъ войны направлялись къ пунктамъ желѣзныхъ дорогъ, откуда уже и двигались въ Россію. Яссы и Фратешти—двѣ желѣзно-дорожныя станціи составляли конечные пункты дорогъ, первая—русскихъ, а послѣдняя румынскихъ и были главные эвакуаціонные пункты, на дунайскомъ театрѣ войны во все время войны до перехода Балканъ. Къ нимъ впо-

слѣдствіи присоединились и другіе, когда наша дунайская армія заняла Болгарію и Румелію вплоть до Константинополя, какъ-то: Санъ-Стефано, Бургасъ, Русчукъ, Журжево и Рени. На всѣхъ перечисленныхъ пунктахъ располагались мало по малу госпитали, предназначенные въ извѣстное время исключительно въ цѣляхъ эвакуаціи. То же и на Кавказѣ. Во всѣхъ этихъ пунктахъ и госпиталяхъ нашлось довольно обширное и особое примѣненіе труда русской женщины.

Кромѣ постоянного ухода за больными и ранеными, остававшимися на пунктахъ, по невозможности дальнѣйшей транспортировки, долженъ былъ и весьма не рѣдко выступить особый лихорадочный, торопливый, чрезмѣрный трудъ. Прибытіе и отправленіе значительныхъ транспортовъ съ больными и ранеными, пріемъ, пересмотръ и сортировка ихъ, кормленіе и пр., — все это требовало чрезвычайнаго напряженія силъ со стороны санитарнаго персонала.

На дѣлѣ выходило еще болѣе трудовъ, чѣмъ можно было предполагать; такъ какъ условія, при которыхъ пришлось персоналу дѣйствовать, были въ началѣ очень неудовлетворительны. Недостатокъ помѣщеній и перевозочныхъ средствъ, недостатокъ персонала и рукъ рабочихъ, недостатокъ должной организаціи, чрезмѣрное скопленіе иногда въ одинъ разъ больныхъ, и тому подобныя обстоятельства ставили дѣятельности всѣхъ лицъ, занятыхъ на эвакуаціи, значительныя затрудненія и иногда непреодолимыя преграды. Что, при болѣе лучшихъ условіяхъ, требовало бы извѣстнаго количества труда; то же самое, при дурныхъ условіяхъ, утрояло трудности работы. Въ Яссахъ еще предполагался главный узелъ эвакуаціи; но, такъ какъ во Фратешти—незначительной станціи румынской дороги ничего не было впередъ устроено;—то можно думать, что этотъ пунктъ едва ли имѣлся въ виду при общемъ проеэктѣ эвакуаціи. Между тѣмъ въ теченіе короткаго времени станція Фратешти сдѣлалась важнѣйшимъ звѣномъ всей эвакуаціонной цѣпи. Сюда прибывали все транспорты изъ дунайской арміи; здѣсь больные и раненые попадали въ вагоны желѣзной дороги и отсюда уже отправлялись по румынскимъ дорогамъ до Яссы, гдѣ снова перегружались на поѣзды русскихъ желѣзныхъ дорогъ, развозившіе больныхъ и раненыхъ по разнымъ мѣстамъ Россіи. Ни одинъ больной, ни одинъ раненый, отправляемые съ дунайской арміи для пользованія въ Россію, не миновали этихъ пунктовъ. Равно также во время эвакуаціи моремъ все больные, пе-

ревозимые на пароходахъ въ Россію, проходили чрезъ эвакуаціонные пункты, расположенные въ Санъ-Стефано и потомъ въ Бургасъ. Не значительные пункты въ началѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, разрослись до того, что чрезъ нихъ проходили тысячи несчастныхъ, пострадавшихъ на войнѣ и возвращающихся въ Россію съ надломленными силами и растроеннымъ здоровьемъ. Какая же масса труда должна была лежать на персоналѣ, работавшемъ при приѣмѣ и отправленіи больныхъ, въ особенности на сестрахъ, которымъ здѣсь особенно приходилось проявить свою дѣятельность!

На эвакуаціонныхъ пунктахъ дѣло состояло уже не столько во врачебной помощи, сколько въ санитарномъ уходѣ, какъ то: въ перемѣнѣ бѣлья и одежды, въ накормленіи больныхъ, въ очищеніи ихъ самихъ и одежды, въ снабженіи нужнымъ для дальнѣйшаго пути и вообще въ успокоеніи транспортируемыхъ больныхъ. Все это, конечно, и по преимуществу относилось къ службѣ и обязанностямъ сестеръ, находившихся на эвакуаціонныхъ пунктахъ. Если же вспомнимъ, что эвакуировано больныхъ изъ дунайской только арміи во время войны и послѣ нея болѣе 150 тысячъ и что это количество не могло быть распределено правильно по днямъ, то, по необходимости, должны будемъ согласиться, что сестры и врачебный персоналъ встрѣтили массу работы...

Приходилось не разъ видѣть и эвакуаціонный баракъ въ Яссахъ и госпитали во Фратешти и въ Санъ-Стефано во время самой усиленной ихъ дѣятельности; приходилось видѣть, съ какими умѣlostью и скоростью, съ какими вниманіемъ и самоотверженіемъ вели свое дѣло женщины, обречшія себя на тягостную службу, и—нельзя было не благоговѣть предъ ними, нельзя было не преклониться предъ русской женщиной, посвятившей свою дѣятельность на эвакуаціонныхъ пунктахъ,—предъ этой труженицей, незнавшей по цѣлымъ днямъ отдыха, работавшей до истощенія силъ или какъ говорится, до упаду... Обстоятельства здѣсь не ждали. Подошелъ поѣздъ съ больными,—его надо немедленно разгрузить, т. е. дать помѣщеніе привезеннымъ больнымъ, переодѣть ихъ, накормить и пр. Время не терпитъ... Отправляется поѣздъ... и также время не терпитъ... Надо собрать и приготовить больныхъ, пересмотрѣть ихъ, снабдить всѣмъ нужнымъ и опять требуется поспѣшность. Копаться нѣкогда... Работа должна идти быстро, усиленно, и въ эвакуаціонныхъ баракахъ каждый бывалъ пораженъ этой суетливостію работы, вызы-

ваемой обстоятельствами... Отъ лицъ служащихъ, требовались значительный навыкъ и сноровка сдѣлать *et cito et jucunde*, и работа сестеръ и врачей заслужила здѣсь общую признательность и общее уваженіе. Улучшеніе этого дѣла вообще и поставленіе почти всѣхъ его частныхъ въ возможный порядокъ и благопріятныя условія вполне принадлежали именно врачамъ и сестрамъ милосердія, ревностно и до самоотверженія трудившимся ради блага и покоя тран-спортируемыхъ и раненыхъ и больныхъ. На эвакуаціонныхъ пунктахъ работали и общинныя сестры милосердія, большинство же принадлежало къ группамъ сестеръ «Краснаго Креста», служившимъ въ томъ или другомъ госпиталѣ, назначаемомъ для эвакуаціона, какъ то: въ Яссахъ — Троицкой Общины, въ Фратешти группы Эрнстъ и Коврайской, въ Санъ-Стефано сестры 81 госпиталя, въ Рушукъ — летучаго отряда Наслѣдницы Цесаревны, — на Кавказѣ группы Княгини Хилковой и г-жи Бакуниной.

Эвакуаціонныя пункты не ограничивались только извѣстными мѣстностями; но каждый попутный госпиталь долженъ былъ, по необходимости, обращаться иногда и нерѣдко въ эвакуаціонный пунктъ или послужить пріютомъ для перевозимыхъ больныхъ. Объ эвакуаціи вообще раненыхъ, въ которой особенно приходилось принять участіе сестрамъ, говорится въ одномъ письмѣ сестры такъ: «Одну изъ выдающихся сторонъ дѣятельности всѣхъ госпиталей, въ которыхъ мы работали, составляетъ эвакуація. Остаются только самыя тяжкіе случаи, все же остальное немедленно отправляется въ транспортъ. Поэтому пріемъ и отправка транспортовъ, составляетъ обичную, ежедневную нашу дѣятельность». Чтобы ознакомить съ нею, сестра описываетъ одинъ день (осенью 1877 г.). «Сыро, грязно, черноземная почва растворилась въ клейкую грязь, съ трудомъ вытаскиваешь сапоги... Къ госпиталю подходятъ нѣсколько подводъ, транспортъ растянулся на цѣлыя версты: кто завязъ въ грязи, кто остановился среди поля, покормить обезсилѣвшихъ лошадей, кто заблудился въ темнотѣ, кто свалился въ канаву. Дай Богъ, чтобы къ завтрашнему дню весь транспортъ собрался къ госпиталю. Привезли больныхъ и раненыхъ съ Балканъ, изъ отряда Гурко. Цѣлые восемь дней онъ находился въ пути по обезлюдѣвшей мѣстности, гдѣ ничего нельзя достать. Дрожащихъ, стонущихъ, холодныхъ и голодныхъ вытаскиваютъ больныхъ изъ повозокъ. Бѣгаетъ и суетится наша добрая сестра-хозяйка, угощаетъ чаемъ, хлѣбомъ, — палатныя сестры одѣваютъ раненыхъ въ чистое

бѣлье. Многіе дизентеріи и тифозные платятся гангреною ногъ, сапогъ нельзя снять съ опухшей, наболѣвшей ноги... И сидить бѣдняга, не знаетъ, куда положить ногу, и ни единого слова ропота, каприза,—все принимается съ величайшею благодарностью».

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ изъ Богота въ Систово (Ноябрь 1877 г.) страшный туманъ къ вечеру засталъ все и нельзя было разобрать ни дороги, ни окружающей мѣстности... Кой какъ добрался я до Порадима, а затѣмъ окончательно сбился съ дороги и блуждали мы долго, отыскивая путь въ Булгарени. Глубокая, поздняя ночь... Туманъ началъ разсѣваться и вотъ послѣ разныхъ догадокъ и соображеній, вдалекѣ усмотрѣли нѣсколько огней. Что такое, неизвѣстно; но въ виду несвободныхъ тогда еще отъ турокъ мѣстъ (до паденія Плевны) за неимѣніемъ ничего лучшаго, конечно, не оставалось ничего другаго, какъ направиться на эти далекіе огни... Тянулись безъ дороги, имѣя ихъ единственными указателями... Ближе и ближе, и—къ радости и удовольствію нашему, это оказались фонари, выставленные госпиталемъ для запоздавшихъ транспортовъ, въ то время нерѣдкихъ, изъ разныхъ мѣстъ направлявшихся къ Дунаю. Не успѣли мы подъѣхать ближе къ огнямъ, какъ окликнуты были кѣмъ-то... Въ темнотѣ (было уже около 1 часа ночи) разобрать говорившихъ не было возможности; но потомъ когда освѣтило немного отъ ручныхъ фонариковъ, оказалось нѣсколько госпитальныхъ врачей, ожидавшихъ большого транспорта съ больными, о движеніи котораго сообщилъ прибывшій ранѣе казакъ. И дѣйствительно въ ту же ночь, спустя нѣсколько времени, послѣ нашего прибытія, мало по малу началъ прибывать транспортъ... Началась работа сестеръ и продолжалась чуть-ли не до утра...

Равно также по дорогѣ изъ Зимницы во Фратешти пришлось ночевать въ Путиней, когда туда для ночлега прибылъ одинъ изъ большихъ транспортовъ (до 1000 чел.) раненыхъ гвардейцевъ изъ подъ Горняго-Дубняка. Транспортъ началъ прибывать часовъ съ 8 вечера и работа по приему, кормленію и пр. тянулась далеко за полночь; такъ что часу въ первомъ пополудни я еще застаю сестеръ за дѣломъ,—занятыхъ раздаваніемъ хлѣба, чая,—смѣняющихъ бѣлье и пр. И завтра снова приемъ новаго транспорта и отправленіе тѣхъ, которые отдохнули... Нельзя забыть при этомъ весьма неблагоприятныхъ условій, которыми дарила насъ въ то время и природа, и погода!

Дѣло сестеръ, какъ сказано уже, состояло главнымъ образомъ въ снабженіи больныхъ бѣльемъ, пищей, одеждой и въ обезпеченіи всѣмъ перевозимымъ, по возможности, спокойствія. Для этого, какъ показали опыты, необходимость и полезность сестеръ милосердія въ эвакуаціонныхъ пунктахъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Ихъ присутствіе и труды, кажется, также и наиболѣе примѣнимы въ подобнаго рода учрежденіяхъ, какъ и въ военно-временныхъ госпиталяхъ. Всѣ, кто слѣдилъ за дѣятельностью сестеръ на эвакуаціонныхъ пунктахъ, даютъ самые благопріятные отзывы и выражаютъ желанія, что бы въ будущемъ дѣятельность женщины болѣе обширно проявилась на эвакуаціонныхъ пунктахъ.

Ко всему этому работа въ эвакуаціонныхъ учрежденіяхъ сопряжена была не только не съ меньшей опасностью заразиться и заболѣть эпидемическими болѣзнями, но даже съ большей, чѣмъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Это также утверждено опытомъ прошлой войны. Заболѣванія санитарнаго персонала сыпнымъ тифомъ, на сколько можно судить по первымъ извѣстіямъ изъ арміи, появились въ Иссахъ и Фратешти и здѣсь тифъ распространился до того, что кажется ни одинъ врачъ, ни одна сестра не уцѣлѣли отъ заразы, занесенной транспортируемыми больными, и особенно плѣнными и больными турками, попеченіе о которыхъ также лежало на персоналѣ эвакуаціонныхъ учрежденій. Это обстоятельство имѣетъ значеніе и не можетъ не быть принято во вниманіе, при опредѣленіи количества санитарныхъ силъ, назначаемыхъ въ эвакуаціонные пункты.

